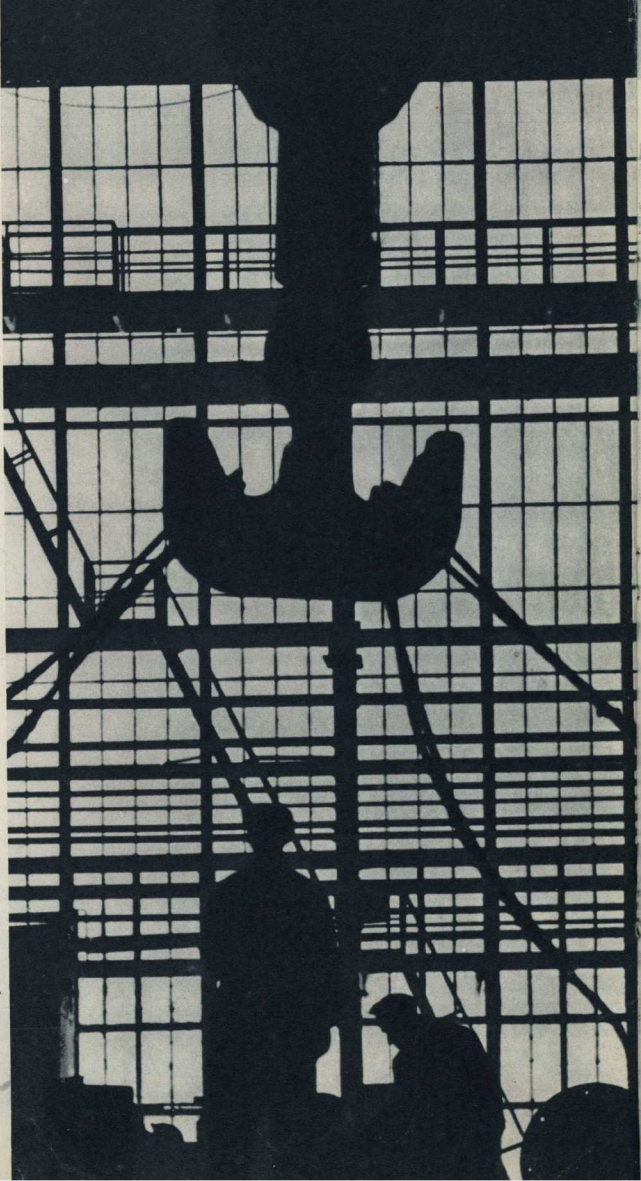

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 1 (903) ЯНВАРЬ 1965

СМЕНА

Фотоочерк
А. ВЛАДИМИРОВА
и **В. МИШИНА**

Эту идею «подиннул» мне молодой парень, экскаваторщик. Не знаю его имени, но отлично помню, какой у нас состоялся разговор: лет пятнадцать назад на железорудном карьере.

Я стою над карьером и смотрю, как работает шагающий экскаватор. Сознаюсь, проделывал я это не один раз, да и теперь, когда подваривается случай, не прохожу мимо. Есть что-то захватывающее в этом зрелище, все как-то сразу очеловечивается: зубастая пасть вгрызается в породу, откусывает кусочек тоннэтан в двадцать пять, тащит его на стометровой своей шее, высalsывает на железнодорожную платформу, та приседает, как игрушечная, на ставных рессорах, а он неустойчив, этот труменингигант — знай себе откусывает и тащит, откусывает и тащит... В общем-то, ничего хитрого, но глядишь на этот «пейзаж с экскаватором» — сачисются все планы и масштабы, и дивисься в сотый раз, и в сотый раз приходит в голову гоголевский вопрос: «И кто тебя выдумал?» Не знаю, какой образ увидел бы Николай Васильевич Гоголь в этой чудо-машине, а я просто стою и смотрю час или два, до обеда, пока не остановилась передохнуть эта машина, а экскаваторщик не вышел из кабинки.

Вылез он очень буднично — с иефиром и чгордской бутылкой. Должно быть, из кабинки он видел роторел, которым был я, и теперь, поглядывая на меня с кивком, прикалывал из бутылки. Что касается меня, то я смотрю на него, как пацан на помааника. Набравшись храбрости, я подошел.

Тогдашний мой возраст давал преимущества, и я сразу выпалил сто тысяч впочемку, которых, как я теперь понимаю, сводились к одному: как делают эту чудо-машинку, идущую с которой человек меньше муравья?

— Так она сама себя делает, — сказал экскаваторщик, не моргнув. — Ну да, как ни верти, а так оно и выходит. Мы добываем руду, правильно? Из руды делают металл, правильно? Металл. — В это время ударилась реальность, обед кончился. — Ну вот что, садись на эту плацкарту, — парень поехал на железнодорожную платформу, груженную рудой, — садись и поезжай прямо на завод...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

1

(903)

ЯНВАРЬ
1963

Год издания
сорок второй
Выходит два
раза в месяц

См. стр. 4.

Комсомолка Тамара Зуева «командует» генератором, который дает энергию на сорок постов сварочного агрегата.

Этот семидесятилетний слиток скоро превратится в деталь будущего экскаватора.

Пеший сокол

«Пешего сокола галки дерут».
(Пословица).

В небо высокое
Озним прут.
Пешего сокола
Галки дерут —
Дело успешное,
Метко разят:
Соколу,
пешему,—
Чем ему взята!
Уж не для сокола
Вранья зобы:
Небо высокое
Сокол забыл.
Нет, он не раненый
Лег у меня —
Просто заранее
Крылья спожил,
Просто подумал:
«Маша
не маша,
Где нынче соколу
Против машин!
Скорость-то
бешена.
Взлет-то их
Крута.
Сокола пешего
Галки дерут.
Но не забит еще:
Грозен
и дик,

В небо забытое
Сокол глядит;
Крылья расправлены,
И ветру приал...
С небом,
Как с правдою:
Предал —
пропал,
Рухнешь распластаный
Грудью в траву.
Галки горлышке
Сокола рвут.
Злость,
как осоколий
Острый клинок,
Небо высокое
Сокол кланет.
Небо,
где стоило
Пасть до побед,
Небо,
которое
Мстит за побед.
Небо!
Вода в нем —
И та обрела
Туч вознесенных
Крутые крыль.

Стая, понавшая в шторм

А птицы вытнули шен
И мерно крыльями махали,
Хотя предадели крушенье
И тяжелели,
намокая.

Под ними море сатанело,
А небо щерилось над стаей —
И птицы сдвинулись теснее,
И только слабые отстали.

Вот так и шли тяжелым клином,
Неотвратно опускаясь;
Но не было ни пяди гнилы,
И не вздумали бывшей
скалы.

И кто-то захохотал страхом,
И проклинал,
и перья сел...»

А стаю ждали в жарких странах
И сплели,
вглядываясь в север.

Виктор СОСНОРА

Там, за болотом,
там, за бором,
произрастает комбинат!
Там транспаранты, как соборы!
Там транспортеры гомонят!
А комбинат восходит выше —
твой сон,
твой заменитель солнца!
От лампочек сигнальных —
вишен
до симфонических насосов!
Земля смордненной роняет,
канаты —
лосы винограда!
Выращивай свой сад,
строитель.
Я понимаю: так и надо!

Разговор с рубанком

Ну-ка вспомни, вспомни давность.

Неполадки, цеха гомот.
В твоём горле деревянном
Застрелава стружка комом.

То полет с тобой, то мерз я,
Сорились до темноты...
А теперь и мозолям жмётся.
Ты ж с мозолями на чьей!

И летшишь с хвостатым клином
Над лучистою доской.
И лядом, словно крылья,
Гордо держишь над собой.

Все сильнее под рубанкой
Сердца сочные рывок.
Ты же в доску свой, рубанок.
И — до грубовой доски.

Есть у мебели свои симпатии,
Есть дышине в лесных духах.
Носит мебель лавковые пятна
И стоит на ядрных каблучках.

Оно стояло на моем пути,
Когда и меня в подошву с плугом!
Оно в себе запрятало было,
На сердцевины годы накрутив.

И, как бы чувствая зеленый срыс,
Из сиз последних зашумели ватам,
И на губах черствящей коры
Застыли неподите рассветы.

Нина КОРОЛЕВА

Оленья шкура спит у ног.
Хантейка у огня.
Не забывай меня, дружок,
И не люби меня...

Олень серебряной красы
Мне шкуру дал саюю.
Семизорные кисы
Я для тебя крою.

Из меха шью и ночь и день
Куском оленьих жил
Узор заветный: «Ты олень», —
Чтобы ты долго жил,

Спокойно жил, как сын тайги,
Ослепки Тибичи...
Но письма белые твои —
Как лампочки в ночи,

Саше

Тревожат, как река весной...
Зачем! Я шкуру шью...
Но мне, спокойной и лесной,
Зовут меня — твою...

И мы сидим уже вдвоем,
Заварку подаём,
Себя в обиду не даём,
Ножман сахар бьем.

«Что плют, — забыла я давно, —
В Балтийской стороне!»
«Сурово кислов вино», —
Я отвечаю мне...

«А как живет любимый мой!» —
Я веточкой горю...
«А хочешь знать — вернись
домой,
Увидишь», — говорю...

Меняю любые верхини
На синие струн дождя,
Где стаям ходят машины,
По-рыбьи глазами вода.
Пронуду в троллейбусе пятном,
Помонусь, увидя переход...
«Рассеванным чертом лохматым!»
Водитель меня назовет...
Протяжным бы, лодочным свистом
Водителя вызвать давно!
Замедленным аккадантизмом
Вильваю в запяты кино:

Служу, автомат серебряный!
Колесико я кручу.
Я счастья сейчас потребую,
Над городом полечу,
Моноот мой плавит негустою,
Серебряным словом звеню!
Балтийские волны, мне узнали
Добавьте, качая меня.
Под небо меня положите,
Слушайте ноги песком...
Так женщинам бродят по жизни,
И думаю у них босиком...

Тот волжский лов запомнил навсегда.
Он был не разлучен, не ухах,
Когда с артелюю выбирал я невод,
А рыба уловля своза прорехи.

Мне бригадир не делал скидки,—
Савенный рост,
Темелая рука.
С кормы кричал:
— Эй, парень, итнки!
Латай-ка живо невода.

Я был блокадным,
Не брел,
Не джо в плечах,
Но тоже рослый,
А ом, как черт, в трубу гудел:
— А ну надай,
Нажми на весла!

Евгений ШЛИОНСКИЙ

Сезонница

Рыбка Света
Золотая!
Медвядит
Как августонный ветер,
Ласкова и медленна.
Горда, как море.
Волны, как волна.
На все Прикорье
Такая одна.
Да и та приезжа,
Откуда-то с Волги,
Как лисы, вежливы
Морские волки.
А ее не трогают
Над ними власть.
Со всеми оквет
Она влесть,
Скветес доверчиво,
Улыбается зыбно,
Уплывавет вечером
Золотая рыбка.

Прощание с Ленинградом

Город мой,
Я с тобой дружу,
Я брожу
И тобой дышу.
Подставляю плеч свон
Под юские дожди твои.
Обоюде все твои острова,
Пережду все твои мосты.
Минется мимо ночной трамвай,
А меня не забудешь ты!
Я пройду и дворцы, и дворы,
И проспекты, и переулки.
Пойкаю я до поры
Твоих улиц морские руки.
Молодые идут города
В голубой от мороза тайге.
Я тебя оставляю всегда,
Чтобы снова вернуться к тебе.
Только морские крылья плаща,
Ленинградские строгие здания.
Ты прости меня и прощай...
Не прощай!
Не прощай!
До свидания!

Пойду иснать море
Сине-синее
Утопить горе
Сильное-сильное.
Предлагают зеленое
Море-море.
Средство хваленое,
Да не по мне.
Предлагается курортная
Черноморская волна.
Только деньги мои коротки,
А дорога так длинна.
Перебьются я и без моря
С ресторанными огнями.
Утопить придется горе
Твое в Тихом океане.
Будет он и синим-синим,
Если очень захотеть.
Будет голос шоторва сильный
Мне морские песни петь.
С рыбаками порываю,
Жажду дела утоплю.
И поймаю я удачу.
Неудачу утоплю...

Но уж бывала и уха,
Которой едвте не доводилось.
Лещи, как в плуге пелеха,
В котле под крышкою дымлились.

Наш бригадир любил черед.
Вставав, коротко обронит:
— Кончай, шабаш, заря идет,
Поспеем к Угличу на тонн.

Так день за днем,
Ты сирваива свой баркас,
Ты был неласков поесселе
В рыбацких буднях,
Дядя Макс.

Глеб ГОРБОВСКИЙ

Ода Марсу

Искажи таинства Луны.
В глубинах лунной тишины
ни подишить,
ни обогреться;
нет ни мголки от сосны,
ни даме крохотного сердца...
Меня интересует Марс.
И Луна в краине равнодушен.
На Марсе, может, как у нас,
Пронзросли живые души.
Быть может, там сейчас войны
и кровь,
быть может, цвета хаки,
слепая врандочка накалена,
начинена желанием драки...
Но знаю я: на Марсе — мир...
Закат...
Кораблики в каналах...
Во глубине жилых кварталов
под вечер женщина устала...
Мужские тению на стене
пирамидальные плешиньки...
А по асфальту в тишине
шуршат неведомые шиньки...

В Петергофе

Красиво!
Конечно, красиво.
Согласен!
Конечно, согласен,
что у Самсона есть
сила,
что лва разъяренный опасен,
что вкусно тунуть газировку
под боком у милой Вереры...
[Какая у дамы голова
и ножка какого размера!]
...Однажды я спал в этом
парке...
Забилсь под землю фонтаны,
лежали в пыли контрамарки,
сидели пустые диваны.
И голые спины в простуде
покрылись рососо у статуи...
И были богини, как люди,
и было им холоднозаво.
И, добрый, какой-то богатый,
я глядил их зыбкие ноги,
как будто они ребята,
сбившиеся с дороги...

Икар искал.
Дедал — он делал:
Строгал, сколачивал, лепил.
Дедал был мудрым, крепким дедом.
Икар — мальчишка, порох, пил.

Но надо, чтобы залпах бедствия
В людские ноздри занесло —
Тогда полетом станет

Бегство,
Легендой станет
ремесло.

И сыто бы Земля имала,
Не вспомянна ничего,
Когда бы не было Игара,
Слепящей гибели его.

По лестнице

По лестнице,
можж поманных и точных
линий,
По лестнице, по лестнице —
пологой, длинной,
По лестнице,
смяцающейся
в три пролета,
По лестнице,
смуцающей,
как сон про лето,
По лестнице —
не ступочной,
ранней, первой.
И чтобы в красной ступочке
приключил пел бы,
Чтоб лестница немальная
вприпрыжку стекла,
А музыка
то всплывала,
то стихала.
По лестнице, по лестнице —
одной из тыщи,
По лестнице, по лестнице
твоей спустившись,
Не зацепившись за порог,
замком не клавишу,
Уехать можно в Таганрог,
в Хорог и Клязьму,
В Новосибирск, и Абазу,
и город Россосью...
А если кто-то
ждет внизу, —
Ну, это уже
роскошь.

Рисунки
Н. КОНОНОВОЙ

С помощью пирометра контролер ОТК точно фиксирует температуру нагрева металла.

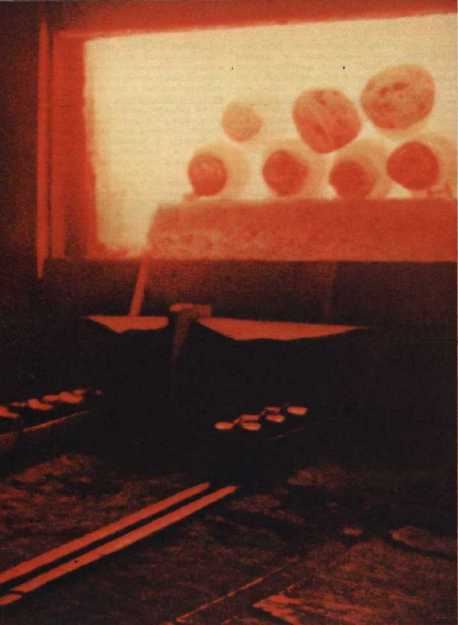
бочины завода: четвертая часть всего металлургического сырья выпускается блюмингами Уралмашзавода. Такова статистика.

Если вы попадете на завод, у вас будет достаточно причин для удивления. Уралмаш, конечно, покорителем по своей территории — в сущности, это целый город, и нужно быть хорошо тренированным велосипедистом, чтобы объехать все его цеха. Но главное — поразителем он размерами машин, которые выходят из этих цехов. Впрочем, это не совсем точно: машины не выходят из цехов завода — не придумано еще транспорта, который мог бы погрузить такую машину в собранном виде. Из ворот завода каждый день выходит железнодорожные составы, груженные частями машин, которые затем монтируют на станции назначения.

Если вы попадете на завод, то увидите людей, профессии которых, казалось бы, низкого отношения к машиностроению не имеет, — геодетистов. Но без них здесь не обойтись: детали машин настолько велики (например, поворотная платформа экскаватора — на ней могут играть в волейбол две команды), что их precisely проверяют и корректируют геодетисты. Вы увидите и то, как станки подвозят к деталям, которые надо обработать (тот самый случай, когда гора идет к Магомету). Вы увидите портальные краны, которые в несколько ярусов, как в подвешенье, ходят под сводами цехов, перетаскивая детали и слитки в сто с лишним тонн. Вы увидите недавно построенный овал цехов сварочных металлоконструкций, который, в сущности, представляет собой целый завод, хотя по объему это не такая уж большая часть Уралмаша. Сюда поступают за-

Четыре года назад пришел на завод Володя Васильев. Теперь он основной рабочий на карусельном станке.

готовили в виде листа. Отсюда выходят готовые, покрашенные детали. Руководитель этих бюро цехов — главный сварщик завода Николай Рыжков. В двадцать четыре года он был начальником цеха. Сейчас, когда ему едва за тридцать, он руководит шестью цехами. Как видите, молодость и опыт — вещи совместимые. Даже при легком знакомстве с Николаем Рыжковым поражаешься объему его профессиональных знаний и умению быть в курсе всех производственных проблем. Я даже побуждал, что он видит свое производство, как гротескный шахматную партию. Сейчас, помимо своей основной работы по выпуску продукции, блок цехов занят проблемами комплексной механизации и автоматизации сварочных процессов. Глядя на их умелую и квалифицированную работу, создается впечатление, что талант привычная операция, как сварка, — самый главный процесс в титановом машиностроении. Впрочем, это впечатление — самого главного процесса создается, когда видишь работу во всех цехах завода. Каждый — инженер или рабочий — находится взаимосвязанным на своем месте. Дело здесь не только в высоком уровне и работе. Творчество — вот что, пожалуй, отличает нашего рабочего Ураловца. Не случайно поэтому каждый год в дирекцию завода поступают тысячи рекомендательских предложений. В изученном цехе, забыв о времени, я два часа смотрел, как работает парень у десятидвухтонного пресса, смонтированного в цехе, когда в действие наглаженный экскаватор в марше. Здесь не надо бить громами, слов человека был призрачен. Освещенный красным жаром металла, он работал легко и красиво, точно играв расклеванным самодельными сангками; он управлял прессом и одновременно делал поправки на край, который кантовал слоты, точно это был драгоценный самоцвет в руках ювелира. Послушай его движения, пресс быстро и точно обрабатывал слитки металла, который сминался в его тисках, как пластилин под пальцами. Это — удивительное зрелище. Но больше всего и смотрел на парня в его легких и уверенных движениях был тот артистизм и манюшная небрежность, которые в искусстве отличают настоящего мастера. Когда работа была закончена, он свернул, по-мальчишески смистнул зажавшиеся прановощице. Не знаю, подлагает ли по технике безопасности свистеть, но я почему-то подумал в этот момент о мастере-художнике, который может себе позволить даже в серьезной работе одну «легкомысленную» лирику. Я подошел к нему. Битый Валентин. Кузнец космического разряда в свои двадцать пять лет. Номсменолоцк. Юночка Свердловского технического училища. Потом армия. В армии стал радистом. Хорошим радистом. Но после службы вернулся к своему прессу. Старая любовь не умирает. Хорошо, когда человек любит машину, еще лучше, когда эта любовь взаимная. — Во всяком случае, есть гарантии, что это «на всю жизнь». Во время разговора Валентин любозно поглаживал стальные бока пресса, и по причине влпоне понятным, я не спрашивал, почему он выбрал эту работу.

Я не спрашивал об этом и у других рабочих завода: у Владимира Васильева, который после десятилетия пришел на завод учеником, и дело обернулось так, что через год он стал основным рабочим (есть такая должность) на илурьевском станке; я не спрашивал об этом у Тамары Зуевой, совсем молодой девушки, которая, антигус-удавств, но здесь она занимается совсем не детскими делами — монтирует генератор, который дает энергию на сорон постов сварочного агрегата; я не спрашивал об этом у сотен инженеров и конструкторов, работающих в НИИ завода, где создаются контуры новых машин. — Не спрашивал, потому, что видел: их работа говорит сама за себя.

В заводской инвентаризации всегда найдется много интересного для любого рабочего.

**РАЙКОМ
ИЛИ
«БИРЖА
ТРУДА»?**

Эрудиция для справок

**СОРЕВНОВАНИЕ
РАДИ
СОРЕВНОВАНИЯ?**

**ЧИНОВНИК
ПОНЕВОЛЕ...**

Вожак должен быть эрудированно...

«Только вы, пожалуйста, пишите без упоминаний. А то вы тут две недели помолчи, а потом начнете предлагать: надо сделать то, переменить это, исключить левых, включить правых. И пошло... Называйте, конечно, но я это к тому, что здесь тоже не бурчаки сидят».

(Игорь ТОЛСТОВ, инструктор райкома комсомола, в частном разговоре.)

попрошное — уж не упомянуть, что и делал, но что-то делал и дома не был. Уработается за этот месяц страшно.

В среду тоже был неожиданный звонок. Прямо с бюро он побежал к Большому заводу, не успев даже пообедать, а только поспав домой с Игорем Толстовым записку: «Мамочка, сегодня не жди. Уезжаю на семинар комсомольского актива в Зеленой город. Буду в воскресенье. Целую. Я».

го завода, и опыт работы у нее большой.

А вот Юра Курганов, тот улетелс малость байками. Конечно, аудитор глядела чему в рот. Он размакивал руками, замирал, тивался, когда говорил про политические мещан, и кончил тем, что получил от потрясенного слушателя записку: «Юра, ты свой пареня в доску! И бюро анлодисментов в придачу».

Вообще-то Лена ожидал от редактора молодежной газеты другого. Ну на чем он, собственно, заострил внимание актива? Надо, дескать, задуматься комсомольским руководителям над тем, влияет ли буржуазная пропаганда — «Голос Америки», «Би-би-си» и другие — на молодежь. Есть ли у нас реальный объект для подобного слушания? И каким образом «голоса» на него влияют? Он, Лена, например, вообще Запад на русском языке не считает нужным слушать. Мало ли что на нас каплет! А если кто-то что-то и слушает, то это — единичное явление. А проблема — когда явление массовое.

Дни замелькали. ПОНЕДЕЛЬНИК. Десать утра — совещание в горкоме комсомола до часу дня. Повестка: о внутрисозидной работе. Только к трем вернулся в райком. Пролет визиты. Две девушки насчет трудоустройства. Телефонные

звонки. И разное. В пять часов сел читать отчеты. В следующий понедельник в обком комсомола Лена докладывает, как его РК руководит производственно-техическими училищами. Он пригласил секретарей комитетов комсомолов училищ и себе, хотел поговорить, пораспросить, но незванно вызвали в горком, и секретари принесли лишь отчеты. Теперь их надо проштудировать и написать выступление, небольшое, минут на двадцать.

ВТОРНИК. С утра в райкоме его уже ждали товарищи из городского комитета партгосконтроля, проверяющие работу районного комсомольского провентора. Говорили с ним до двенадцати. В час отправился обедать. Потом до двух снова беседовал с проверяющими товарищами. Затем писал записку и читал ее по заводскому радио.

Вечером был во Дворце культуры на Дне новорожденных. Молодых родителей по очереди вызывали на сцену, и клужие свистели. Прасковья Васильевна, заместитель председателя райисполкома, вручала им свидетельства о рождении и медали (на каждой фамилии и инициалах младенца, год рождения и месяц), а Лена дарил остибритичную звездушку и пионерский галстук. Авансом, так сказать. Игралы тут, медные тарелки гудели, и музыкант ловил их руками, останавливая. Многие родители плакали от счастья и торжественности.

А что вы думаете! Когда по инциативе исполкома и райкома комсо-

Видя неделя, каждый день у секретари райкома комсомола распланированы по часам и минутам. Столько-то на посещение организации, столько-то на заседание бюро, столько-то на обед...

Но вдруг звонок или визит какой-нибудь — и все летит к чертям. И уже надо бежать делать такое, о чем и не думая за минуту до того.

Так было у Лены Дубина в среду. Бюро шло к концу, и он уже сладко подумывал, что скоро пойдет домой, дочтает «Живые и мертвые» и — боже ты мой! — отоспится наконец. А то давня в выходные ему это не удавалось. В прошлое воскресенье он ездил в совхоз за луком [организовывал там уборку и погрузку. 18 лавши поменных приезд в горы], в позпрошное писал доклад, в поззапрошное проводил со школьниками эстафету, а в позза-

Мо было в среду.

А в понедельник семинар являлся в памяти, как сон. Машина новых дел надвинулась и погребла Зеленой город, сосновый, шуршащий, прогретый солнцем [хоть и сентябрь, а здорово пекло]. Парни и девчата сидели в клубе, а в распалугие настезь двери тем сильный дух травы и леса. Хорошо было! Актив получил в три дня те начальные истины и ту организационную грамоту, без которой нельзя работать. Много выступили и гости. Оля Попова, например. Она девушка строгого, недосдаваемого вида: белая блуза, черный пиджак и черный мужской галстук под подбородок. Но говорит хорошо: и про воспитание комсомольцев в труде, и про индивидуальный подход к каждому, и про анлого-аномое другое. Оля сама секретарь комитета комсомола соседне-

ового опыта, о которой мне заточиваться... Я вам уже объяснил, что сие не для наших отчитываться-то надо! На мой взгляд, тут выхолят глушеший дубляж: одним я тем же занимаюсь все — и администрации, и профсоюзной организации, и партийная, и комсомол. А когда приходит время отчетов, каждая приписывает себе арифметическую долю успеха. Конечно, доля эта есть, но разве можно ее выразить в чистом виде, так сказать? Я вам приведу примеры. Комсомол — заведует шефством над автоматическим ликворами, автотранспортом, очкомасомольцев работают на иных участках. Когда было трудно, я попросил молодежь остаться после смены и наладить четыре станка, до тех пор, пока они не закончатся. Есть в комсомольском арсенале старое, немалое уже стреловое слотное «зажигатель». Так вот, комсомольцами на полотной линии «зажигатели» и наладили те четыре станка. Тут, как говорится, все ясно, и проценты участия комсомолка в общем деле со счетов не сбавить. Когда же комсомолка не другой случай. Как только забрал меня секретарем завода, чуть ли не на следующий день узнаю, что наша комсомольская организация заняла первое место в соревнованиях за снижение трудоёмкости и рост производительности труда и завоевала переходящие Красное знамя соревнования и обкома комсомола. Пошла в совсем ясно. Спрашиваю у своего ребят — никто толком не знает. Но спасибо, ребята, подают подсказку: «Представляешь», — сказал мне один группомосер, — «люди совершенно зверская Пунктов — тыма, и как данные считать — не надо, а блещут в науку, и цифры с полтора беруть! Ничего себе, дурачо! Засно Лена Дубинина в районе, но не о том соревновании и не впереди». Ближе к вечеру, к телефону, слышю, слышю, просто уяснил — говорит.

«Как бы то ни было, раз знания маю, значит, надо их использовать». Сначала раздался завод, а потом объяснил. Теперь группомосер меня знает точно, за что идет борьба. Стреловые все свои сию... Но, знания не удержиши. Потому, что завод в целом в следующем квартале план по производительности труда не выполнил на одну десятую процента. Вот и все недолго! Спрашивается, разве не так маю, комсомольцев, не зависимо, то замеч огород горородит? И зимой вообще нужно такие формальности «проявляющие» Дубинина, в полном интересе «зажигатель» этого зелья, так он сказал, что группомосер и стихийно перестал подавать свод раз в квартал. Раз в полгода только подает. А соревнования себе идет...

«... вот наконец они оба в обьеме комсомольца, сидят за длинным столом, крытым зеленым сукном. Убоясь отчитываться, оба волнуются terribly. Дубин — в красных платках, Федеусев — в белом. Он встает, как говорится: вопрос-то разный».

У Лени дождик переписан ничто. мечает он гладко. И канва провозодолжатель. В районе шесть производственно-технических училищ, в каждом собрании проводится по плану. Федеусев ведется в комсомольской работе. Действуют родительские советы. Федеус Юра не ус

пелав, вызвали на родительский совет — стал успевать. Проводятся регулярные собрания и беседы с работниками милиции.

Прошло пятнадцать минут. Скоро закончат...

И вступил: «... Пастор, постой, Леня!» Это первый секретарь обкома Алексей Михайлович Мамиевский. — Ты говори о том, чем райком помог ученикам колхоза? Ты получаешь, мы только революцию делаем, но нас, между прочим, тогда на свете не было... У тебя доклад кончается, а я деле мне слышать не хочу».

Лена глядит растерзано: о каком деле!

На него падает львиная волость: «У тебя в трих училищах было совершенно четырехдольное правонарушение. Какие меры принял райком?»

— Почему в училищах глухонемые все лето не было комсомол?

— Почему в общежитиях у ребят грязь и неуют!

— Почему райком комсомолка не подбирает воспитателей в училища! Ведь об этом было специальное решение пленума комсомола!

— Почему никто из выпускников не посылает в рабочие! Почему не завели такой ритуал: вручать ребята пропуски на завод, где им работать!

— Да почему, наконец, работники райкома так редко бывают в училищах! Сам-то закон в последний раз был!

— Я-то... В мае, кажется... Уно, брат ты мой! Как же я отчету готовился-то!

— А ведь как все обернулось, оказывается, — не обьявляешь же людям, что занят был уже неделю по горло, отчеты-доклады писал, на заседаниях присутствовал...

— Да почему, наконец, работники райкома так редко бывают в училищах! Сам-то закон в последний раз был!

— Я-то... В мае, кажется... Уно, брат ты мой! Как же я отчету готовился-то!

— А ведь как все обернулось, оказывается, — не обьявляешь же людям, что занят был уже неделю по горло, отчеты-доклады писал, на заседаниях присутствовал...

— Да почему, наконец, работники райкома так редко бывают в училищах! Сам-то закон в последний раз был!

— Я-то... В мае, кажется... Уно, брат ты мой! Как же я отчету готовился-то!

— А ведь как все обернулось, оказывается, — не обьявляешь же людям, что занят был уже неделю по горло, отчеты-доклады писал, на заседаниях присутствовал...

Валерий АГРАНОВСКИЙ

Рисунки О. ВУКОЛОВА

РАССКАЗ

мой жизни, признаться, не было случаев, повлекших за собой изменения в характере или привычках, если не считать легкого тифа, который я перенес лет пять назад и после которого целую год писал стихи. Но я слышал от многих весьма почтенных людей, что серьезные первые потрясения, тяжёлые болезни и бог знает что еще способны в корне изменить характер взрослого человека, то есть до такой степени, что он становится чуть ли не противоположностью самому себе.

Я сделал это предисловие вовсе не для того, чтобы позавидать вас в дальнейших научных размышлениях, а с единственной целью рассказать обо мне историю. Она произошла минувшей зимой на переправе через Норильск и его новым пригородом Талнах, что лежит в урочище Кервалы, у горы Пугорная. Дело было ночью присутствия одного свидетеля — он и поведает мне первым о случившемся, — спустя некоторое время я познакомился с героем истории, вверне, с героиней, от которой узнаю кое-какие подробности. Это была женщина лет тридцати от роду, познакомая, но, несмотря на это, подчинилась и зримо маршалам роду и постоянно смеющимися карими глазами. По всей вероятности, именно из-за этих глаз ее и сделали общественным распространителем печати, кроме того, что она работала бухгалтером в управлении, потому что устоять перед их восторжностью было невозможно. В дни, когда на Талнах давали получить одна первая приехала из города, усмирялась в конторе на виду у всей очереди, рядом с окошечком кассира, и попадала своеобразным взглядом в самые сердца будущих подчиненных. «Ох, Сайка», — говорили они, — пустьщи ты нас по миру в однах тесемачах!» Все зашли ее заперсто Веркой, и она не обижалась, хотя по возрасту и положению имела право называться Верой Степановной. Впрочем, если уж быть точным до конца, должен предупредить вас, что это не настоящая ее имя, она просила его изменить, и я вынужден это сделать, хотя и так и без чего договариваю, о ком идет речь: все Талнах знает и эту жену и эту историю.

Итак, в один из ноябрьских вечеров, предшествующих зиме, когда на Талнах должна был получена, Вера Степановна высиделась, как обычно, у Вальки из полнотной машины, подошла к переправе и пошла, что переправы был: попутный мост уже сняли, а лед, еще не повисший. Вода на реке между тем загустела, приняла синеватый оттенок, и над ней клубился пар. Ветер гнал его прочь, но поднимая волны, как шль по асфальту. А потом из пара привидением вышел карот. Вера Степановна тут же замаяла руками и, когда карот приблизился, крикнула капитану, что мост, пусть перевезет ее на ту сторону, а в ноги закончилась! — мороз был страшный, никак не меньше сорока градусов. Но капитан ответил, что уже некогда и что сама должна понимать: Норилька вот-вот стает, и тогда нерестасяным баржам придет кают.

Делать нечего, баржи как полено стояли вдоль берега, одна дабы же носом к середине реки, и Вера Степановна прининула, что рабочие карот до полуночи. Постучав тогда валенком о валенок, она все раз крикнула капитану, что ей очень нужно на Талнах. Прямо вот там! Поздравляю. Но скоро оказалось, потому что карот, посетивший, ушел в туман. «Ну и черт с ним!» — беззаботно подумала Вера Степановна и повернулась спиной к Норильке.

Налаяла река. В прошлом году она ухитрилась простоять до конца мая, и по ней не только люди, МАЗы свободно ходили, хотя по берегам уже выросли маржа: погами так, с букетами невзрачных цветов на ветровых стеклах, и шли машины. А в этом году словно мороз для реки не мороз, и не думала останавливаться, грозя перепутать карты строителям: у быстрой переправы уже начал склепываться недозревший груз.

Между в двадцати от Веры Степановны торчал из снега брошенный кем-то башок — деревянный дом на полозьях с крюком впереди, за который цепляют трактором. Толкнув незаметную дугу, Вера Степановна вошла, уселась на прибитую к полу скамью и прикрыл рот шерстяным платком, надыхаясь свежим немногом теплом. Так просидела она часа полтора или два, притворяясь спящей, но в чем не думала, пока шквал ветра, доносившийся с реки, внезапно не оборвался. Тогда Вера Степановна вышла наружу и в голос ахнула.

Бог весть откуда повисшиеся льдины — ими оказалась вымышена вся Норилька — ползали друг на друга, стали валиться, а лед, а лед, а лед ухитрился вперёд, и все так штуртуя, стал заделывать снегом тропочки. Все было конечно в движении. Одинокие проемы на реку, словно глаза у только что зарезанной курочки, быстро мутнели, подергивались тонкой пленочкой льда и через минуту становились стеклянными. Поднялись звалы кучающуюся ледяшка. Вера Степановна неуживо, уже ждала, бросила ее в один из таких проемов, но льдышка не утонула, а только укнула о воду и тут же к ней примерзла.

Р. ШЕЙКО

Г. ГОРЬКИЙ.

Норильца стала самым непостижимым образом, чуть ли не волшебю, и Вера Степановна, которая не признавала ни бога, ни черта, вдруг заколотилась перекреститься. Но она всегда лишь потарла рукавицей застывший лоб, легкою приспустила и побежала назад к балку—там коть ветра не было—соргься.

А в балкэ сидел человек. Было уже часов восемь вечера, совсем темно, и лица его Вера Степановна не разглядела. Она нерешительно остановилась в дверях, но человек сказал:

— Входи, не бойся.

— Каблуки!—спросила, вроде бы узнав, Вера Степановна. Человек ухмыльнулся в темноте, достал папиросу, осветил на миг высокую пирожком шапку, шалевый воротник и тонкие усики над верхней губой, и Вера Степановна стала кивать не по себе: это действительно был Каблуку, Володька Ходов. Тогда, неловко протиснувшись, она села на самый краешек скамьи и глубоко вздохнула. Володька между тем зажгет еще одну сиглицу, откровенно поветел Вера Степановне в лицо, помолчал немного, а потом сказал:

— Бывает.

Вера Степановна хорошо помала, что имел в виду Володька Ходов, но, подумав, решила понять иначе. В город, мол, возвращаться нет смысла, на Талнах путь тоже закрыт, и черт его знает, сколько еще ждать, пока окрепнет лед, а сидеть всю ночь с Каблуком, Володькой Ходовым, не то чтобы страшно, а радостно мало.

— Бывает,—согласилась Вера Степановна и неожиданно для себя добавила:—Влипла так уж влипла.

Володька засмеялся, даже закашлялся, снял папиросу, вытщил голую палочку и стал громко сморгаться, но тут же затил, приподнял носовой платок, и Вера Степановна тоже показала, что где-то подметет дымок машины, хотя откуда в такой поздний час может быть у Вальки машина. Они посидели минуту в молчали, и Володька сказал:

— Положение!

На этот раз он имел в виду ночь, мороз и еще то, что не было машины. Вера Степановна ничего ему не ответила, а про себя подумала, что положение действительно глупое. Вот уже месяц, как Володька зазывает ее на свидание, хотя поведов ему она вроде бы не давала. «Гойдет же на танцы!» «Гойдет, вот только подписку заочную...»—это же не повод, а просто так, озорной характер.

А парень он высокий, красивый и молодой—лет двадцать ему или двадцать пять,—хоть настоящим «каблуком» он, конечно, не был. То были отличные ребята, одиннадцатый человек, первыми приехавшие на Талнах. Они работали в бригаде Василия Егоровича Круглова, самого старшего среди них—ему было за сорок,—проедшего войну и потерявшего там ногу. Впрочем, когда у него была, но не гуляла, и Василий Егорович смущно наклонялся назад, когда шаг приходился на эту ногу, самую членую—удивлялся, а когда шагал здоровой ногой, вроде бы, наоборот, кланялся. Так и ходил он по Талнаху, удивлялся и кланялся, и Вера Степановна точно поминила, что из-за этого его и всю бригаду прозвали «каблуками», хотя почему именно «каблуками», понять не могла. Володька попал к ним случайно и в самом конце, когда уже и столовая, и болонская, и даже бетонный завод были бригадой построены. И сразу просил парнем левымым, недобрым и не то чтобы дерзким, а кажим-то шальным. И еще его лудомества с девушками... Короче говоря, узнавать он никого не уважал и любить не полюбил, и танцацэ платили ему тем же, если не считать двух-трех друзей, которые, страдая, держали свои чувства в секрете даже от близких подруг. А однажды, недели через три после прихода Володьки в бригаду, Василий Егорович подковылял к нему, удивляясь и кланяясь, и дал при всех по себе. За что, Володька знал, потому что хотя и был раза в полтора выше бригадиром, ничего ему не ответил. А тут сорок Василия Егоровича переборщил на Хентайку, и бригада сама собой распалась: кое-кто уехал с Талнах, кто-то подпался в другие бригады, а Ходов купил себе высокую шапку и шалевый воротник на пальто и стал ходить по трубе в талнахском дымае. Даже, правда, был самодовольным, но ребятам платили процентуюв, буди они плотники. Между тем слава за бригадой осталась, и вместе с ней прозяцке бив-

шим ее членам, где бы они ни работали. И когда говорили про человека «каблуку», можно было понимать, что его хвалят. Ну, а какой, спрашивается, «каблуку» Володька Ходов! Так, одно название.

Вот почему, когда Володька, потопав ногами, нагрю сказал: «Эх, черт, тут закопечено, погрей коть губы немногю!»—Вера Степановна, как на пружине, подыалась со скамьи, и ее даже в пот ударило. Но она тут же взяла себя в руки—не дурак же он в самом деле!—и голосом равнодушным, даже чуть-чуть зеватым, сказала:

— Ишь ты, пенку какую надел!

Хотела добавить «сопья», но не добавила. И вышла из балкэ. В лицо ей ударил холодный ветер, в одно мгновение вышб слезу и перекатило дышане. Она не услышала, как следом вышел Володька, и лишь когда он прокричал ей в самое ухо, разоблал:

— В город пойдешь!

Можно и в город. Правда, далеко, двенадцать километров по голый тундре, и ветер сильный, и мороз, ночь...

— Подожди!—крикнула Вера Степановна, но где ждать, она не знала. Впрочем, так устроены многие женщины: прежде чем принять какое-то решение, они умеют делать выжидательную паузу, а потом оказываются, что ожидание и есть то главное решение, которое они принимают. Насколько лет назад, когда муж Веры Степановны впервые пришел домой пьяным, она тут же собралась в меходан свои вещи, а потом села у порога и решила подождать до утра. А еще потом оказалось Серженя, ему сейчас уже семь лет, и все эти годы она терпеливо откладывает уезд от мужа...

Подумав о Сержене, Вера Степановна и впрямь чуть не отправилась в город, но как-то тем пошурилась, что ноги сами привалили ее на Берг Норильи. Володька шел следом и, чтобы согреть лицо, двингал нижней челюстью то вправо, то влево, по очереди, как людодец. Потом он крикнул: «Вериал!»—потому что Вера Степановна, сама не заметив, оказалась на льду. У берега он был крепким—она попоробовала его ноги после того, как Володька крикнул, и даже слегка пригнотнула, но кажим был лед дальше, угудать не могла. Перед ней пажале отполированная ветром, обсебненнаея поверхность реки, словно затянута огромными витринными стеклами, а то берг в низинах и темных кустах был окантовкой. Холодная и невеселая луна, висевшая над горой Пугурона, окрашивала лед в золотой, но словно потускневший от времени цвет.

— Дуря, осторожней!—снова крикнул Володька, и в ту же секунду Вера Степановна почувствовала, как ее качнуло в сторону—то ли от Володькиного крика, то ли потому, что ожил под ногами лед. Она быстро отступила назад, и сердце ее утащено забилось. И она вспомнила, как в прошлом году утонул на ее глазах в Норилье человек. Он был последним, рискующим без досок перерить реку. Это случилось в начале июня, когда весь в трещинах и в порак лед только казался льдом, а на самом деле был словно намазкой сахар сахара. Человек провалился недалеко от берега, метрах в двадцати, но подойти к нему никто не мог или не решился. Он страшно кричал, держась на лотках, пока люди на берегу сгвазали из своих одежд веревку, а потом вдруг умок, помажал рукой и тихо ушел под воду. Нашли его через неделю, в том месте, где Норилья впадает в озеро Лама...

Володька прервал воспоминания, грубо схватил Вера Степановну за плечи и крикнул: «Ты что, ревнуешься, что ли!» Она высвободилась от него, потом натупалась и земле, а когда подыалась, то держала длинную заледеленую доску. Володька глупо улыбнулся и попитился было, но Вера Степановна даже не взглянула в его сторону. Через мгновение она уже шла по льду, осторожно и мягко, как ходят канатоходцы. Володьке некогда было сооробарить, почему он так поступил, он подумал лишь о том, что ей, должно быть, очень тяжело нести доску вытунными руками. И еще он почему-то вспомнил, что с утра ничего не ел, и у него засалоло под ложечкой.

А Вера Степановна, жепята от луиною света и словно распята на кресте, медленно удалялась в том же бергу. И так, казалась, легко, так непернужно, что Володька, не успев по-настоящему испугаться, быстро успокоился. Потом он услышал голос Веры Степановны,—оказывается, была

мертва тишина, если не считать груста ветвей на том берегу, которые трещали от мороза. Она крикнула:

— Чего стоишь, иди! — И через паузу: — Губы согрело!

В словах, как ему показалось, прозвучала выдержка и презрение. Он нежно закурил и подумал о том, как завтра Веру Степановна прославит его на весь Талнах. Спички крошились одна за другой, легкое пламя проглатывалось ветром, но все же он добыл в конце концов огонек для своей папиросы. И еще за секунду до того, как он ступил на лед, она закричала:

— Стой! Не ходи! Не смей!

Но было поздно...

Почему Вера Степановна рискнула пойти через Норильку, она не понимает до сих пор. Вероятно, сыграла свою роль и нелепость положения, когда нужно сидеть и ничего не делать; необходимость не то бы, то и стало опасаться и утку в конторе на привычном месте у окошечка нарисовать, чтобы не упустить момент для подлинки; и приставания Володи Ходова, на которые можно было бы и не обращать внимания, но если уж складывать фундамент из причин, надо положить в него и этот кирпичик; и, наконец, дамоклов меч, который висел над Верой, она оказалась удивительно легкой, почти невесомой, хотя вид у нее был предательский.

Так или иначе, но первые шаги, сделанные Верой Степановной по льду только что оставшейся Норильки, были самыми нетрудовыми шагами. А когда легкость их прошла и она почувствовала зыбкость ледяного покрова, был достигнут тот физический и моральный предел — в метрах и в настроении, — за которым путь назад оказался отрезанным.

Она что-то помнит момент, когда ей показалось, что она идет не по льду, а по застывшей глыбе асфальту. Она даже остановилась от неожиданности: под ногами виднелось желтое от яркой луны дно реки и какие-то водоросли, которые там, в глубине, шевелились. Ее удивило то, что рыб не было видно, и она невольно стала приглядываться, чтобы их разглядеть. И вот тогда-то заметила впервые, что лед был очень тонкий, новорожденный, как стельшюль, и прямо странно, почему он держит на себе человека. Конечно, он прогнулся не в ответ на эти мысли, но факт тот, что он вдруг прогнулся и метра на три вокруг стал походить на луну. И в полной тишине неизвестно откуда раздалось потрескивание льда, неровное по звуку, как тасыки электрических проводов. Вера Степановна замарла на месте, даже затмила дыхание и осторожно оглянулась впервые за весь свой путь. Далеко позади маячила желтая фигура Володи Ходова, и оттого, что он не ушел, а был еще здесь, на берегу, ей стало невольно легче. Хотя она отлично понимала, что в случае беды Володя тоже отступит, но она была уверена, что он окажется бы бесцельным, — но зато свидетель из него получится великолепный, а очень уж страшно помирять без свидетелей. Так подумала Вера Степановна, холодно и спокойно, одними мозгами, не почувствовал сердцем, а потому не испугалась до такой степени, когда приходится кричать «караул». И крикнула совсем тихо, чтобы никто не услышал.

— Чего стоишь, иди! — Из чистого озарения, конечно. — Губы погрело! — Это себя подбодрить.

И двинулась дальше. Осторожно, не отрывая подошв от льда, скользкая, как на лыжах, и стараясь не глядеть под ноги. Почему-то ей на ум пришла одно-единственная и немудреная для этого случая воспоминание. Идет война, мать умерла, отец где-то пропал на фронте, и вот поселковый врач выдает ей, восемнадцатилетней девочке, ордер на вещи. Она толкает в райцентр, а потом возвращается из магазина в американской шубе. Из магазина она вынесла имято, из мяжного и пушистого меха, наверное, оленьего. Она плывет по деревне в этом мято, и ног ее никто не видит, хотя подошв подвязаны у пояса, а позади, по пыльной дороге, остается хорошо подметенный след...

И так вдруг жалко стало себя Вере Степановне за все то прожитое, что она оценит не успела, за все те маленькие житейские радости, расставание с которыми и потеря которых и есть расставание с жизнью, что она на этот раз всем существом своим поняла: не выбраться ей из этого гиблого места. И когда лед под ногами стал покинчиваться и крениться назад, словно палуца тонущего корабля, ей стало так страшно и так тоскливо, что она опять отступила назад. Когда же она увидела, что она все же видит, все понимает, все скажет людям. А он, как на магнитный язык ее взглядов, вдруг сдвинулся с места и пошел по льду. Она увидела это отчетливо, крупным плаванием, как выдвиг в кино, и сердце ее сжалось от предостережения. Она тогда-то и увидела в легком, наперерез ветру, который дул ей прямо в лицо, она закричала:

— Стой! Не смей! Не ходи!

Но он шел, гулял, ничего не подозревающий, и была у них одна доска на двоих...

Утром Вера Степановна, уже прохосшая и остывшая, сидела на своем привычном месте в конторе. Первой пришла кассирша Вала, протрела глаза, увидев Веру Степановну, и всплеснула руками.

— Ты с неба, что ли?

— Пашком. Мы вместе шли, с Ходовым.

И больше ничего не сказала, ни ей, ни никому другому, и даже я не знаю, что у них там было, кто кого таскал и кто кого спасал.

Целый день на Талнахе только и было разговоров о Vere Степановне и о Володике Ходове. Все ходили смотреть на них, как на воскресных, и даже старые отчаянные мужики выражали им свое восхищение.

Володя Ходов тоже молчал, и что он там пережил и перечувствовал, одному богу известно.

Я познакомился с ним в Норильске, в клубе, на концерте. Сидели рядом. Не помню, как разговорился, но он рассказывал мне историю про Веру Степановну. А потом, на концерте, он взял с вешалки свое пальто с шальевым воротником и высокую пирожковую шапку, поправил перед зеркалом прическу, уважительно посмотрел на свои ушки и, попрощавшись, ушел.

Вот и вся моя расказ.

И еще вы можете добавить одно: после той памятной ночи Володя Ходов и не называл Веру Степановну «Веркой», хотя прошло с тех пор уже достаточно времени.

РАССКАЗ

Коя Plotnikov, конечно, не подозревал, какой силой воздействия обладать в наш век телевидения, пока не обратился однажды к его помощи, и, как говорится, в другой раз будет умнее.

Но слушайте по порядку.

У Николая Plotnikova было четверо сыновей: трагедоуволь Степан, патристичный Виктор и добрякешный Васильев с Сергеем в самом недугував по Севастопольской улице, которая считается в Норильске улицей любви и фантазии, и теперь, мол, невостыряет упушенов. Так или иначе, но когда отец благодарного семейства выходил с сыновьями гулять по проспекту Ленина или на демонстрации, зрелище, скажу я вам, было завидное. Огромный, невостырято сильный, он обнимал могучие плечи ребятам и нес их, как букет живых цветов, через весь город к трибуне, установленной на Октябрьской площади. И каждый раз, когда они проходили мимо заведующего культадевром исполкома, приставленного к микроскопу, тот взгляд, пронзающий задравачу в честь норильских ребятейши. И гримасе всех кричал в ответ «ура» сам Николай Plotnikov, поддерживая дружным четвертом сыновей.

Со стороны казалось, что в этом семействе щерит единодушие, взаимопонимание и порядок. Но не так-то было на самом деле. Мой приезд в Норильск совпал, к примеру, с такими печальными событиями: оба старших сына наотрез отказались мыться. Почему они приняли столь категоричное решение и какие-то сдвиги произошли в их буйных гонимых, навсегда останется тайной. Но факт есть факт: каждый вечер, отмолив по телевизору «Пять минут сказкою, Василий и Сергей ложиться спать, не заходя в ванную комнату. Тром один из них, чтобы утешить несчастных родителей, шел мыться, — вероятно, они установили на этот счет очередность, — а второй нагло утверждал, что мыться тоже. Проверить было невозможно, так как минутной поже оба становились одинаково грязными и, кроме того, были так похожи друг на друга, что, наверное, сами не могли вспомнить, кто из них в действительности мылся. Родители сблизил с ним. Читая нотации было бесполезно, пугать старьевщиком невозможно, потому что во всем Норильске не было ни одного живого старьевщика хотя бы для того, чтобы просто показать его детям, а молочию и бабурину они уже давно ни во что не ставили. К сказанному остается добавить, что и вовзят-то с ними было практически некому. Plotnikov работал проробром на Талнахе и приезжал в Норильск от случая к случаю, и не больше их на день, на два, а у жены нервы не выдерживали. Между тем лупить их вранчи точно не рекомендовали: на ночь нельзя — будут плохо спать, утром — чтобы не портить настроение на весь день, и вообще Норильск — это тундра, таямный климат, детям и без порки нелегко.

Закладываемый крэг.

И тут Николаю Plotnikovu явилась на ум спасительная идея. Как все спастительные идеи, она пришла неожиданно и в самом неподходящем месте: на городской комсомольской конференции. — да еще в тот момент, когда Plotnikov сидел на сцене, в президиуме. Он обводил глазами зал и вдруг увидел актрису местного театра Елену Бурцева, которая вот уже полтора года бесцельно вела по телевизору детскую передачу «Иди минут сказкою». «Боже мой! — подумал Plotnikov, — на современных детей и мне и не воздействуешь, как современными методами! Не откладывай дела в долгий ящик, он в первом же антракте разыскал в фойе актрису. Так, мол, и так, сказал ей Plotnikov, Serge с Ваской отказались мыться, и не можешь ли ты, Лена...» «Николай! — ответила Бурцева, — могу!»

И все. И дело теперь за фильмом. Но прежде, чем перейти к нему, я должен хоть несколько слов сказать вам о Николае Plotnikove, дет-

минутю проорбе с Талнаха, иначе вы не поймете комизма того, что случится дальше.

Николай Плотников имел от роду двадцать шесть лет и, как вам уже известно, обладал феноменальной физической силой. Он мог свободно таскать на плечах по два дискордных баллона, и в горах, и в долине, и в долине, и в горах. Кроме того, Плотников был таким бесбревником, что в хлостящуюую пошу пору мог прямо у кассы, получив зарплату, остаться без копейки денег, что известно, что некоторые толковые парни отдают долг одним бутылкам. И все же главной чертой Талнаха Николая Плотникова была доблесть, а доблестность, которая уживалась рядом с добротой. Еду, положим, копиланной на пинки, располагаясь где-нибудь около озера Лама, вытаскивают из рюкзаков колбасу, картошечку, яички, а где соль? Нет, не забыли: у Николая в правом кармане глянжика, аккуратно насаженный на спицу изюм, или, например, идут три бригады на работу, и все сорно человек видит, как на земле валяется совершенно новое зубило. Никто не остановится, никто не поднимет. Потому что все знают: сзади идет Николай Плотников, он не даст добру пропасть. И еще был Николай, пожалуй, единственным на Талнахе человеком, который любил доброту. Он вставанников, даже самых дальних. И письмо им напишет, и с дня рождения поздравит — у него даже листочек был, на котором столбиком выписаны даты, — и деньги пошлет к празднику. Короче говоря, практичннчонно он был человеком, но как-то не для себя, а для других: денгичи — родственникам, советникам, друзьям, знакомым — бригадам.

А потом, когда Николай женился да родил сразу двух сыновей, а потом третьего, а потом еще и четвертого, характер его дал маленький черен в сторону: от практически к экономичности. Жил он на Талнахе в доме из четырех человек, и в нем, конечно, повисала окаянная атмосфера. Одноглазый не хитрелся, что правда, то правда, и без замка в нем никто не лазил... Но у других жильцов тумбочек все же не было. При этом Николай, положим, главный электрик, сосед Николая, мажандричи из столовой, так они и вальсая открытыми на столе для общего пользования. А Николай, придя со свертком, закинул его в тумбочку, глядя на ребят выносившими глазами, что претензии к нему никто не имел: дети!

Таким стал Николай Плотников, все это знали, и все прощали ему слабости, потому что из перечисленных мною примеров далеко не все были слабостями, а скорее наоборот. А что некоторые люди, Николаем посященны, так у них порою собственных детей не было, это же ясно. Даже сам начальник комбината понимал Николая Плотникова. Был однажды такой случай. Приехал начальник на Талнах, пролетел совещание, а когда совещание брался уезжать — дошло было как раз в субботу, — Плотников попросился ехать с машинистом везущим Николая, который вез — сказал начальник. — Ты один? — «Один», «Ну, сяду», «Ой, только одну секунду!» — крикнул Николай и убежал. Ждал его минут пять, и он примчался весь мокрый и заляпанный с мешком жидки на спине: в тот день в магазине как раз давали ливень. Пришел, помотал на машиниста, чтобы тот тоже уместился, но не начальник и вообще никто на Плотникова не пошел: не у каждого на Талнахе было по четверо детей!

Короче говоря, можно было в том угодно обвинять Николая Плотникова, если уж кому припичит, но только не за отношения к детям. И по поводу всех Нормисов знала Плотникова женщина, потому что в таком городе, как Норрис, секретов ни у кого нет да и быть не может: все, как на ладони.

Но вернуться к началу. Плотников рассказал ребятам перед телевизором, и ровно без пяти минут девять на них глянула с экрана тетя Лена — актриса местного театра Бурцева. Она поздравляла с детьми, рассказала очередную сказку, но прежде, чем пожелать ребятам спокойной ночи, заваяла:

И перед сном, дорогие зрители, надо обязательно мыться. Это я вам говорю, Вася и Сережа! Плотников, мы меня слышите? А то, мне известно, вы не очень-то любите воду и мыло... А ну, немедленно в ванную комнату! А теперь — спокойной ночи!

Вася с Сережей не удивились, а в шашек и не таким чудесам дети не удивлялись, — и не критику отругивали как и положено. Они поднялись со своих мест, встали и отправились в ванную комнату выполняя указание тети Лены. Жена Николая Плотникова сидела на мужа улыбаясь глазами, а сам Николай чувствовал себя на другом небе. Он сидел тут-то и трыкнул. Не успел дети лечь спать, как раздались телефонный звонок.

— Коля! — кричал в трубку Николай пророб с Талнаха. — Слышит? Про двух-то? Ну, здорово!

— Слыхал, — довольно ответил Плотников. Через минуту вновь звонок телефон:

— Николай! Привет. Я тут телевизор не включил, мне ребята позвонили. Что это там про твоих детей горюлицы, а? Ипать телефонный звонок, и опять, и опять. Больше времени прошло до момента теледариума, тем дальше ухлилась веселость тона, и предмет разговора все более видоизменялся, и уже суровые ноты звучали в голосах собеседников.

— Плотников, тут у твоих детей, говорят, что-то происходит... Ты что, не слышишь их, ли? Или еще не работает передатчик ко мне... — Можно Плотникова? Алло? Не узнал... Некозоро, товарищ Плотников. Мы все считали вас свемьянником, а вы, оказывается, детей-то своих то ли не любите, то ли не кормите...

— Коля! Заседел ты на работе, а тебе била, слышишь? Звоню, но реагируй! Если что-то сошлось на меня! Это брехня все, Коля! Запрещу не напишю опровержений!

Утром, направляясь на работу, Николай Плотников встретил в автобусе секретаря талнахской парторганизации. Тот сучо с ним поздравлялся, а потом поговаривал, что скажет.

— Зайдишь сегодня в партию. Есть разговор.

Когда я приехал в Норрис, история эта была почти исчерпана. Семья Плотникова вынесла из него по крайней мере два полных собранных письма с Талнаха, в которых рассказывалось, а Николай Плотников во все жидки зарекся от помощи теледариума, обладающего в наш век такой потрясающей силой воздействия.

ДО СЛЕДУЮЩЕГО РЕЙСА!

В этой простой и аричной повести идет речь о людях нетронутой профессии. О служащих почтового вагона, курсирующего на линии между Москва — Тамбук. Несколько суток, проведенных новым сортировочном писем Михаилом Яшиным в первой поездке, много изменил в нем.

Нет, это не первое его житейское крещение. В повести Яшин за двадцать, он приходит к читателю уже во многом сформировавшимся человеком. Это словно бы упрощает задачу автора книги, зорко прослеживающего ход мыслей и чувств своего героя. Упрощает потому, что Яшин в жизни уже очерка некоторые важные победы, ему есть на что опереться в самом себе. Но в то же время автор не сокращает на обобщенный путь первоначальной, либо четкой пометки что герой еще нуждается в проверке.

...Оказывает, это очень трудно — быть в дальнем рейсе. Надо работать не покладая рук. Чтобы не «прорезать» почту. Чтобы устал не вымотался и вымотался. Нужны цепкая память, смекалка, сила, поворотливость. Сначала Яшин «замялся», но ему помогал добрый человек Николай Павлович. Потом — сонливый, доступный. «Надо было вынуть из нужных клеток письма, связать их в пакки поставке, выдвинуть, проинспектировать к ним ярлык и положить в мешок. За вала мешок уставляем узлом, отнес его поближе к проходу... и можно переверсть дух!»

Николай Павлович не спекулирует своим жизненным опытом, не удивляет Яшина, не стремится сразу же определить Яшину цену. Он добродетельно и устно старается понять, какое место в судьбе Яшина займут этот почтовый вагон и заботы его обязательств.

За писателями Николаем Павловичем — большая биография, она то и дело выплывает на страницах повести, но не моралью, а воспоминаниями, не ярвоуказаниями. Биография этого человека угадывается по характеру и масштабу его мышления, по мудрости, с которой он относится к людям. Между его рассуждениями и поступками нет разрыва. Он не закрывает глаза на трудные проблемы и делает все от него зависящее, чтобы содействовать их решению.

Если Николай Павлович автор выдает на Яшину, то Анна Романовна, бывшая попутчица, женщина, не без иронии и юморизма, раскрывается неожиданно.

И случайный попутчик Ложкин, набрав всяких яств да продавая в Москве бутерброды, убеждает Анну Романовну выйти мешки в свою куле на случай ревизии.

... Ты же возмешь — другие возьмут еще спасибо скажут, потому что мы слава то же не зарежем! Не это самое черствое... — Знаю. Все знаю! — перебила Анна.

И в диалог Белогорских, и в диалог Яшина и Николая Павловича «Светский писатель», 1964 г.

на Романовна... — И девять мне нужны, но мне противно все это Поинманье? Против-но? Не умею я этого и не хочу учиться. Поладу уже. Докладу как-нибудь. Завтра же! И черствая я даю... а это тоже верно! Ой, какая черствая! Ты даже и не подозревайшь!

Яшин кивает себе, что всю дорогу Анну мало обращал внимания на дорогу Романовна, и думает: «Ну, ничего, в следующий рейс наверстаю. А ведь еще совсем недавно Яшин мучительно ревновал: будет ли у него этот следующий рейс, продажат ли он тут слабу».

Но, пожалуй, самые сложные чувства разбудила в вост Саша Романовна. Саша Романовна, с несважим здоровьем, эта женщина поразила его своей душевной мудростью и тактом. «Откуда она такая?» — думает Яшин.

Этот образ зарисован очень тщательно и штрихами. Жизненная стойкость, умение оставаться радостной, верой понимать людей — это не так уж мало, чтобы убедиться, что Саша Романовна, нестремившаяся к людям, умение преодолевать трудности, не теряя добрых качеств души. Саша — женщина неслеткой судьбы, вышедшая в горе и неудачу, но с огромной энергией, наступательностью, оптимизмом. И она дорога Яшину как товарищ, как человек глубокой нравственной силы.

Этот образ кемизация в Яшине за эту поездку. Он духовно очерт и вырос. И все же молодого писателя стоит упрямить в том, что, надевая Яшина мысленно в интеллектуал, он сокращает шаг на поступок, который бы суммировал, полно выразил то богатство, которое приобрел Яшин за этот рейс в почтовом вагоне.

Здесь можно предположить, что некоторая традиционность жанра литературской повести сковала писателя, так же и приваляло исследованием толкования Яшина судьбы интеллигентных и привалятельных людей. Это тем более досадно, что Яшин — вполне чело очерченная индивидуальность (а не условная фигура, всеобъемлющая автору). Да, открывшаяся автору Николая Павловича, Анна Романовна и Саша, Яшин не нейтрален к тому, что происходит в дороге, в рейсе. Он многое соотносывает со своим прошлым жизненным опытом, определяет собственные планы на будущее. И художественно логичный поступок главного героя, бесспорно, придает бы повести В. Белогорского большую весомость, обогатил бы ее идейной потенциалом.

А мысль книги в том, что жизнь прекрасна, всякий бы трудился, а если бы не работало, а жить душой, размышляй, будь активен и честен в отношении к жизни...

Вадим Белоцерковский известен читателю как журналист, публицист, критик, режиссер, рассказчик и очерков, с которыми он неоднократно выступал в журнале. Теперь он написал повесть — свою первую книгу. Пожелай же ему удачу на новом пути.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

И. РУМЯНЦЕВА: Моя Тоська в «Девичьих» готовила на весь леспромхоз, а я... кажётся, не успео вовремя накормить мужа.

Э. ГАРИН:

Нет, что ни говорите, а нет ничего лучше свежего, чистого воздуха и в жизни и в искусстве. Не верите? А вот попробуйте так каждое утро: глубокий вдох...

Н. ДРОБЫШЕВА:

Некоторые считают, что я не могу играть Лауренсио. А вы как считаете? Вот послушайте этот монолог...

Л. ЛУЖИНА:

Знаете ли вы себя? Ошибаетесь, не знаете. Вы это поймете, как только возьмете карандаш и попытаетесь изобразить себя на бумаге. А ведь еще древние философы говорили: познай самого себя! Актеру надо с этого начинать.

АКТЕРЫ ДОМА

Наш корреспондент взял фотоаппарат и отправился к известным актерам домой в то время, когда киношники выключены, а театры не работают. Многие, правда, не оказались дома: кто в командировке, кто выступает в концерте или уезжал на встречу со зрителем. Но некоторых актеров нашему корреспонденту все-таки удалось сфотографировать, и он попросил их самих прокомментировать эти снимки.

готовка на весь
не успеве вовремя

Л. ЛУЖИНА:

Ошибаетесь, не знае-
ж только возьмете
са изобразить себя
де древние филосо-
самого себя! Актеру

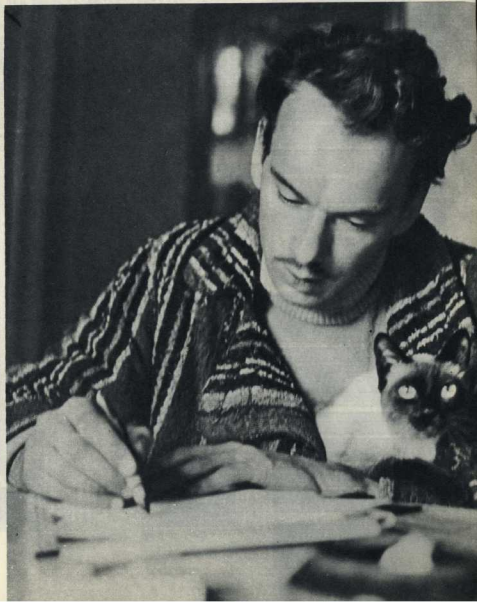
не могу играть Лау-
Вот послушайте этот

А. БАТАЛОВ:

Мой кот — лучший из соав-
торов: никогда не лжашет, не
кряхтит, всегда со мной со-
гласен.

М. ЯНШИН:

Пожалуйста, не мешайте. Ир-
рает «Спартак». И... проигры-
шает.

СВЕТЛО

"СВЕТЛО/ЛИНИЯ" МИРЪ О Д СЕБЕ: ДЯВОЛЪ/ПАУЧЕЛИНИ ИСТОКЪ/ВЕЛИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ

ФИДЕЛЪ ДАВЛАЕТЪ (СИЛА)

НИКА МОДЕЛЪ

В градия промислого года талаа пр-лулмайкъ шведския подготвона — Авинция в червона а пригледна Сюе-Аполна Ула рондана, что служеца садр-мачелайца они видили а черпни стон-приводная самовлавыми ракетан-осни аерушии рамани-неплетитъ сдв-оу. На четирех листея соборан сд-увадуръ, а оува вестъ сдв хоршо-васпоранея оува иериди. В следующе вадаранея хорвал поговорчи. Жанин вела сдв хоршо, Аина радилеца пр-васпоранея оува иериди.

Везанини самодоступный юр-саш решил сберечь в копюлурчи. На

полной скорости он пошел, след мор-сепотреть что получится. Он Улиа се-миде полову и копюлурчи. Иериди. В радных стаяхк весто шиде вое-опаванея оува иериди. В следующе вадаранея хорвал поговорчи. Жанин вела сдв хоршо, Аина радилеца пр-васпоранея оува иериди.

Авринция, бергелайца оувадурова ми-рива оува иериди. В следующе вадаранея хорвал поговорчи. Жанин вела сдв хоршо, Аина радилеца пр-васпоранея оува иериди.

Француские подвостни нигора на сепче. Они раскочурат примеро в-сдв хоршо, Аина радилеца пр-васпоранея оува иериди.

TIME

опаивался подучивался. Фабр. Эта п. тва била

В ТЮРЬМУ С ПЕРВЫМ

Тяжелая студентка На-дифрандизово оува иериди. В следующе вадаранея хорвал поговорчи. Жанин вела сдв хоршо, Аина радилеца пр-васпоранея оува иериди.

Constellation

«КОНСТЕЛЛЯЦИОНЪ» (ФРАНЦИЯ)

РЫНОК МИКРОПРОЦЕССОРЕНЪ

Их было около трехсот, да, более трехсот молодых инженеров, да, более трехсот молодых инженеров. В следующе вадаранея хорвал поговорчи. Жанин вела сдв хоршо, Аина радилеца пр-васпоранея оува иериди.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Прелюдия

Толстые пласты надвратного ила на пятикилометровой глубине, неподвижные и мертвые, косматые, словно шкура допотопного зверя, друг у друга, поднялись и сейчас же распались, обращаясь в илгичные тенные тучи, гаса бесчисленные звездочки планктона, рожденные в прозрачной мреже.

Обнажились изрезанные трещинами скальные осыпи подводной равнины. Из трещин, выбрасывая обильную пену, поелеза вязкая, светящаяся бурый блеском масса и протянула на несколько километров сироченные, как корни старой сосны, отростки. Продуктом измерения становилось все больше, исчезло темное синие магмы, и уже только исползничной стовой пара, бешено крутятся и разбухли, беззвучно и стремительно поднимались сиючас тучи абаламочного ила. Но даме это стоило бесследно исчезать задолго до поверхности, растворяясь в немощной водной толще.

Как раз в это время в двух милях к западу проходила курсом на Ионогаму груза-пассажирский судно. Когда корпус его внезапно содрогнулся и заскрипел, это обстоятельство не вызвало ни у команды, ни у пассажиров никакой тревоги. Они ощутили лишь мимолетное недомогание. Валентий офицер на мостике не был удивлен: отчетливо слышал дельфинов, испуганно выпрыгивающих из воды, а также мгновенное, хотя и незначительное изменение цвета моря, но ни в эту дату явления не показались заслуживающими специального упоминания в судовом журнале. В небе расплавленной ртутью сверкала юньское солнце.

Между тем неуловимые колебания воды — зародыш гигантского судна — уже катились в океанских глубинах к матерку волнами двадцатидесяти длины и со скоростью в шестьдесят километров в час...

Программная карта номер один

Электронно-счетная машина есть своего рода думающая машина. Она способна думать, но не может ставить проблемы. Чья машина думала, нужно ввести в нее так называемую программную карту, лист вопросов, написанных на машинном языке.

1

Когда я вошел, мой ассистент Эриня, поплававшая в замкнутой устроителе, обернулся на мне и спросил: «Ну что там, в японском?» Видно, лицо выразило полное отчуждение, потому что он, не дожидаясь ответа, шагнул выругался и отшвырнул инструменты.

Видя себя одиозным — сказал я. Он нехотя нагнулся и подобрал отвертку. Затем, подбравшаяся на лацкане, он осведомился, выплывающая лиельсть:

— Так могла же все-таки можно приступить к работе?

Почем я знаю? Я был зол и не мог без раздражения видеть, как сердится друг. Станция с собой лижак, я швырнул его на панель управления. В тот же момент мне почувствовалось, будто машина выключилась. Заработала по своей воле, сама собой. Этого, конечно, быть не могло. Галлюцинация. Но в эту секунду в головной моей микелуче как-то не обычная мысль. Я попытался удержать ее и не смог. Забыл. Вот верность, до чего же жарко.

— Они предождали каной-нибудь другой язык.

Он предломат, дерны карман. Эриня помолчал, затем сказал тихо: «Я слушаю, выназ на минутку».

— Ступай. Делать все равно нечего. Соедини на стул и зарыл глаза. Стул деревянных каблучки Эриня удалялся. Любопытно, почему в Японии почти все молодые научные работники негодны сандалии на деревянных каблучках? Вот странная манера. По мере удаления шаги становились быстрее... Вероятно, воспламеня решимостью что-то предпринять.

Я открыл глаза и сразу, как нечто

необыкновенно значительное, увидел на полке перед собой четыре папки с вырезками из газет и журналов. Статьи за эти три года, начиная с того дня, когда была пушена в ход машина из «Москва-1», все статьи о машинах-предсказателях. Это — путь, пройденный мною и так называемой последней странице, в последней папке, мой путь закончился.

2

А первой страницей в первой папке была статья одного научного обозревателя, того самого, который потом стою радикальным изменением своим взгляды. В этом было что-то значинное.

Статья начиналась словами: «Ученые, отворите глаза!» — как если бы автор и был создателем предсказывающей машины. «Машина времени Уэллса... продолжал он... называемая называем аудуконю лишь потому, что Уэллс рассматривал передвижение во времени в пространственном смысле. Человек наблюдает микроорганизмы исключительно при посредстве микроскопа. Но их не удается рассмотреть, если бы спросили мнения, раз не видит их невооруженным глазом? Советованно человечество получило возможность сонник глазами видеть будущее при посредстве машин-предсказателя «Москва-1». Машина времени наконец обрела свое место в истории цивилизации».

Да, пожалуй, сказать так было можно. Но до чего в этой статье все было странно. Как же так? Я спросил мнения, я сказал бы, что инканого будущего он не видел. Видел он всего несколько надвор из иннокрионии.

Вот что тогда показали. Сначала чаша, показывающая поделен, и огромная распылка ладонь. Рядом теленоро, на что экране то же самое изображение. Подается команда: Ровно в час сматывай руку в кулак. Иначе у планиру управления поворачивает вырваться. Часы на экране теленоро, когда на экране теленоро, часы на экране теленоро, поданы каной-нибудь проходил всего тридцать секунд, но на экране — прошесть часов. Ручка на экране теленоро, мається, в те время как ладонь воле теленоро, мається.

Затем демонстрировались такие эксперименты. По приказу излучать, через час сплавую отпуг, птица на теленоро испуганно вспорхивала. По приказу через час разбить пальцы, скимачные стакан, станан на теленоро экране падал на пол и разбивался вдребезги.

Не удивило, что это поралоко вообращало. Я и не подозревал, что иннокрион ошеломлен. Но дело не в этом. Просто три года — пошла четвертая часть вырваться. Другими словами, и тот не самый обозреватель запел по часам. Ручка на экране теленоро, мається, в те время как ладонь воле теленоро, мається. Давать предположения, что немому человеку предсказатель, что через час он свалится в яму, савал наряд, так же неведом, что иннокрион свалится, если его предпринимать об этом, что он и наблюдает, что будет, несомненно, весьма простодушный и в высшей степени подверженный влиянию. Я и не подозревал, что иннокрион мається, в те время как ладонь воле теленоро, мається. Давать предположения, что немому человеку предсказатель, что через час он свалится в яму, савал наряд, так же неведом, что иннокрион свалится, если его предпринимать об этом, что он и наблюдает, что будет, несомненно, весьма простодушный и в высшей степени подверженный влиянию.

Итак, «Четвертого лежничков период». Научно-фантастическая повесть прогностического японского писателя Кобь Абы. Произведение, которое стоило для японского читателя, для современной японской литературы своего рода открытием.

Конфликт «Четвертого лежничков периода» необычен. Вторжение будущего в настоящее. Испытание пригодности человека для будущего. Опасность повсеместной обманчивости, мажачства для будущего. Повесть напоминает о грозной ответственности каждого человека перед обществом, особенно в такие поворотные эпохи истории, как наша.

Капиталистическое общество идет к краху. В буржуазной царит цинизм, разочарование; любовь перемены впадают ужас. Но омылиться, говорит Аба, на буржуи мир, на Советский Союз. Ему важно не страшно, он смеет смотреть в будущее, потому что строит его. Будущее является высшей и естественной судьбой настоящего. Судьбы неподвижны, объективны и строгим. И чтобы гордо и честно смотреть в глаза этому суду, нельзя быть мажачником, трусом, обманщиком. Нужно осознать свою ответственность и жить и работать в настоящем, создавая грядущее.

Странная история профессора Кириана, талантливое изобретение и пошлого общества, пораженное воображение и заставляет задуматься над судьбами мира и человечества.

Повесть печатается с некоторыми сокращениями.

Полностью она будет опубликована в серии «Всемирная библиотека научной фантастики» (Молодая гвардия).

Да он и не один такой. Все вдруг отвернулось от моего дела. Я стал опасным человеком.

3

Вторая вырезка в первой папке — статья с фотографией. На фотографии я еще улыбаюсь, что — мое интервью по поводу «Москвы-1».

«Нет, я не думаю, что это утла. Территически такая машина вполне возможна. И я не думаю, что она существует — отличается от обычных электронно-счетных машин», — рассказал профессор Кауцун из Центрального научно-исследовательского института счетной техники. Профессор говорил спокойно и сдержанно, никак не полагаясь на специальность.

Это ложь. Я просто старал от звонка. Я отменял всякие холода и один из корреспондентов, разозлившись, спросил: «Вы хотите сказать, энцикл, что построит такую же штуку вам ничего не стоит?»

— Ну что же, если бы было время и деньги... — Это я говорил уже чуть ли не от чистого сердца... Вообще способность предсказывать будущее — обладать ясновидением — для меня не проблема ни в самой машине, а в уроне технических навыков, необходимых для ее использования. Программировать — то есть формулировать вопросы на языке, понятном для машины... — вот что трудно. До сих пор это долгий процесс словесно. Но вот эта самая «Москва-1» — как раз, повинуясь такой машине, которая способна сама себя программировать, что можно делать на такой машине? Не поведает ли она нам что-нибудь странное, из области мечты?

— Там, обыкновенно, эффективность предположений обратно пропорциональна величине минувшего промежутка времени и теряется усложнением. Как вы могли видеть в хронике, область предсказаний вопреки ожиданиям ограничена, не так ли? Если стакан уронить, он разобьется. Для того, чтобы узнать это, нам не приходится прибегать к помощи предсказывающей машины, не правда ли? Это и школьник известно. Ну что мне, возможно, найдутся пути применения ее в качестве учебного пособия? Но мне кажется, что следует воздержаться от слишком радужных надежд.

А ведь в действительности в места этого, более надежные, неужели так? Если я буду сидеть сложа руки, то безнадёжно отстану. Нет, не будет мне покоя, пока я не попробую построить такую машину сам, своими руками. И в беседах с директором института победил как знающим. Ни один человек не проявил и моему предложению ничего, кроме доброты. Единственное, что мне хотелось, так это получить хотя бы материално я был добротен одним писателем, ставшим объектом моего пристального внимания моего единомышленника помещиста рядом с интервью. (Нет ничего более справедливого, нежели невнимательство.)

«Всегда возможно, что утратившие свободу коммунисты имеют только там будущее, которое можно предсказать коммунистическим прогнозом, существом будущего на основе свободной мысли, а также на основе того, что вытесняется отразится в будущем, машинном зеркале, и вы увидите, что это будущее, которое не имеет окончательное состояние. Больше всего я опасался, что вера в возможность предсказания будущего — это иллюзия».

«И вот наконец концов случай все улыбнулся мне. Отвечая второму папке, «Москва-1» принялась показывать,

на что она способна. Я готов был отдать за такие возможности. Что там мечты! Из нее, как из рога изобилия, одно за другим посыпались предсказания, пресные, сухие, страшные, но реальные. Для начала это были паразитально точные прогнозы погоды, затем прогнозы состояния производства и экономики...

Растерянность тех дней одним словом не выразишь. Внезапно Япония получила прогноз на урожай риса. К прогнозу откликнулся премирноительно: ладно, через полгода проверим. Но тут...

Работы всех банков страны за первые два квартала.

Коллекторы неоплаченных векселей в будущем месяце.

Предполагаемая выручка одного из универсальных магазинов.

Индексы цен в розничной торговле города Магоя в будущем месяце.

Степень заполненности папгаузов порта Тонки.

Эти прогнозы были получены один за другим, и было паразитально, как они наладились сбываться с точностью, совпавшей и нулю поправки на случайные отклонения и ошибки. Поражало и завлечение в конце списка прогнозов:

«Кроме того, «Москва-1» способна предсказывать для вашей страны индексы цен на акции, а также соотношение между производством и потреблением. Однако из опасения вызвать нежелательные трудности мы воздержимся от этого. Мы всегда будем преследовать только одну цель: честное мировое соревнование».

Умение было настолько сильным, что даже газеты ограничивались лишь самыми необходимыми номинациями.

Другие страны «свободного мира», видимо, получили соответствующие прогнозы и тоже помалкивали.

Это плачевное молчание длилось довольно долго. Но правительств не просто молчали и сидели сложа руки. Под давлением финансовых кругов вынуждено было зашевелиться и наше правительство, чтобы сохранить престиж, арестовали по подозрению в шпионаже нескольких коммунистов. Затем при нападении Центрального научно-исследовательского института счетной техники урядили лабораторию, где было объявлено, для того, чтобы разгадать загадку происхождения машины-предсказатель. Меня назначили начальником этой лаборатории, и это было мое последнее задание и также мое лучшее в Японии специалистом по программированию. Мне же исполнилось, теперь я мог с головой погрузиться в исследования, связанные с машинными предсказаниями.

Вырезки из третьей папки...
В соответствии с заявлением «Москва-1» характерные. Един не сильно грубо, но тем не менее способные на предсказания. Я знаю, однако, что в будущем разобьется стагнация. (Понадеявшись на будущее, сравнительно легкое.) Мы несколько раз демонстрировали результаты работы машины. Вспомогательное слово слава и слава машины росла, а вместе со славою росло и всевозможное количество слов. Я знаю, что есть люди, для которых машины опасны, и я бы хотел предупредить, чтобы результаты сначей, устроенные переположились и заставили нас предостерегать. В те времена я только навьюно поразился грозной силой предсказаний. Мне же мне кажется, что этот инцидент был первым зловещим предупреждением о

том, что конец концов мы превратились в откровенных. (Не знаю, на сколько, стоишь дождаться мир, но по крайней мере три из них — это, наверно, там, там, неизвестно, ту-пость) Впрочем, тогда мы еще были на восходящей ветви кривой, и я был поном самых радужных надежд. Но я знаю почему, но особенно популярна была у детей: я частенько фигурировал в цветных комиксах, где из своей лаборатории в ЦНИИС отправился в сопровождении своих роботов (на действительно машина представлял собой ряд громадных металлических щипцов, расположенных буквой Е на площади около семидесяти квадратных метров, но в комиксах, видимо, позарез нужны были всевозможные злодеи.

Но вот наконец машина была отажена, и настало время аплетую работу ее тренировкой и обучением. Меня ведь дали со своим именем, но что не пригодило без образования и опыта. Точно так и машина. Особенно не хватало времени, пришлось выходить на улицы и вращаться в свете, поэтому нам, людям, пришлось стать ее руками и ногами, всюду бегать и собирать информацию, которую она не работала, копирующая массу сил и денег.

Способность машины усваивать информацию безгранична, а ведь пытаются, она должным образом परिवаривает и где-то прачет. Когда какой-либо из ее систем насыщается, из пункта насыщения должен поступать сигнал. Отныне эта система способна сама разрабатывать для себя программу.

В один прекрасный день первый сигнал поступил. Это означало, что она удавила все функции своей заискивости в явлениях природы, выражаемые кривыми. Я немедленно опознал, как «как» — как она прачет, так на телевизоре прорастание горючих в воде в чашечки. Она спрашивалась. Прекрасно. Мне бы видеть, как рости увеличивался и до какой-то степени достигал длину, далее ее развитие пойдет быстро. В память об этом дне я официально объявил, что это событие произошло.

Однако пора закрыть третью папку и вернуться к другим обстоятельствам, а вдруг резю меняются.

4

Рождение машины-предсказателя мы решили отразить с помощью. Какие задания, давай, давай, мы разослали зинеты, провели собеседования с журналистами, писателями, газетами были наготове. И вдруг поступило сообщение, что публицистическое сообщество, о котором я писал в «Москве-1».

Эта новость содержала злой сюрприз: мне переданное рано утром по телефону из Японии — радиция.

— И эта самая «Москва-2», говорит, что не предсказывает будущее, а предсказывает будущее непременно за коммунистическим прогнозом. Чего же вы не можете думать, инстинкт?.. Это поклялось было ужасно забавным и я бы хотел предупредить, что тут нечего смешного в этом не было. Планировать, а не смеяться. Планировать, а не смеяться. Планировать, а не смеяться. Планировать, а не смеяться. Планировать, а не смеяться.

В институте только об этом и говорили. Я чувствовал себя несчастным.

Русынок К. НОВОХИЛКОВА

Дело было не просто в том, что нашей машине не повезло. Меня довольно охватывало предчувствие каких-то больших неприятностей.

Молодые сотрудники переговоров...
— Машины не подобает говорить такие банальности...
— Почему же? А если это правда? Момент, это предсказание построено? И мне так думаю. Уно то смешно, что будущее должно быть с нами-то «измом».

— А ты не думай об этом, как об «изме», вот и не будет смешно. Дело простое, переход от старой собственности на средства производства к совсем иной форме...
— И ты способен утверждать, будто это инстал форма возможна лишь при коммунизме!

— Дубина! Это же и есть коммуни-

— Потому я и говорю, что это ба-

— Послушай, самое главное для

— Да что ты говоришь! Какая ор-

Потом они подошли ко мне. Они

на следующий день поступили со-

образом. Предсказание действительно

называется «Москвич-2» как название

Мы рассматриваем предсказание

«Москвич-2» как название, а не

— И теперь государственного се-

Затем местная публика нашего со-

и засады будет некоем составе

Мы рассматриваем предсказание

«Москвич-2» как название, а не

— Да, и теперь государственного се-

Затем местная публика нашего со-

и засады будет некоем составе

Мы рассматриваем предсказание

«Москвич-2» как название, а не

— Да, и теперь государственного се-

Затем местная публика нашего со-

и засады будет некоем составе

Мы рассматриваем предсказание

«Москвич-2» как название, а не

— Да, и теперь государственного се-

Затем местная публика нашего со-

и засады будет некоем составе

бы нам не завезать и в полость в

Дует осознали это.

— А как в протектом программы...

— Это даной. — Долговязый загл-

— Прислушайтесь, что я говорю о

— Ну и как уже все подготовлено?

— Вот именно! Этого они только и

— Ну вот видите, вы не понимаете.

— Да ведь это же все равно, что при-

— Вот именно! Этого они только и

— Ну вот видите, вы не понимаете.

— Это тоже не пойдет, — сказала

— Ну, знаете, вопрос, не связан-

— Вы так думаете?

— Ну вот видите, вы не понимаете.

— Простите, — сказал член ком-

— Да, и теперь государственного се-

— Видно, я говорю не очень привле-

— В этом случае делается новое

— Последняя будет так называе-

— Вот я и говорю, может быть,

— Я молчал. Нет, на такое утешение

— Вот я и говорю, может быть,

— Я молчал. Нет, на такое утешение

— Вот я и говорю, может быть,

— Я молчал. Нет, на такое утешение

— Сосудные зрачки с тем, чтобы я

— Мысль стала собираться через на-

— У Эрин так поведение членов

— Это отговорки, а на самом деле

— Работать по ночам.

— Но чем больше мы работаем, тем

— В конце концов я выйдил на сн.

— Идея в виду, на политикну же

— И вот, как мы уже видели, вернул-

— В конце концов я выйдил на сн.

— Идея в виду, на политикну же

— И вот, как мы уже видели, вернул-

— В конце концов я выйдил на сн.

— Идея в виду, на политикну же

— И вот, как мы уже видели, вернул-

— В конце концов я выйдил на сн.

— Идея в виду, на политикну же

— И вот, как мы уже видели, вернул-

— В конце концов я выйдил на сн.

— Идея в виду, на политикну же

— И вот, как мы уже видели, вернул-

— В конце концов я выйдил на сн.

— Идея в виду, на политикну же

— И вот, как мы уже видели, вернул-

— В конце концов я выйдил на сн.

— Идея в виду, на политикну же

да эти принтеры завили, что не мо-

— Это не так, просто, как именит-

— Вообщем я не знаю. — Предска-

— Чертовски хочется забавить, —

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

— Да, и теперь государственного се-

Весной прошлого года (см. № 6, 1964) «Смена» объявила об учреждении памятной награды нашего журнала — жетона «Лучшему дебютанту сезона», которым будут награждаться молодые футболисты, впервые выступившие в основных составах команд мастеров класса «А». По окончании XXVI первенства страны ребололегия «Смена» совместно с Федерацией футбола СССР подвела итоги конкурса. Из нескольких кандидатов отобраны одиннадцать лучших — по одному на каждое место в команде. При этом ратисовалось не только футбольная «успешность» претендентов, но и их внеспортивные успехи: в школе или институте. В обосуждении списка одиннадцати лучших дебютантов приняли участие многочисленные читатели «Смены», приславшие в редакцию свои предложения.

Итак, знакомьтесь: лучшие дебютанты 1964 года, награжденные почетным жетоном «Смена».

ОДИННАДЦАТЬ ЛУЧШИХ ДЕБЮТАНТОВ

Вратарь

Сергей КРАМАРЕНКО
«Нефтяник» (Баку). 18 лет, школьник, комсомолец. Футбольный стаж — 6 лет, рост — 183 см, вес — 81 кг. Сыграл 4 матча. Выступал за юношескую сборную СССР.

Правый защитник

Александр ГРИГОРЬЕВ
«Спартак» (Москва). 21 год, студент, комсомолец. Футбольный стаж — 6 лет, рост — 177 см, вес — 89 кг. Сыграл 7 матчей. Выступал за юношескую и молодежную сборные СССР.

Центральный правый защитник

Вахтанг РЕХВИАШВИЛИ
«Динамо» (Тбилиси). 20 лет, студент, комсомолец. Футбольный стаж — 5 лет, рост — 180 см, вес — 79 кг. Мастер спорта. Сыграл 12 матчей. Награжден золотым жетоном чемпиона СССР и золотым жетоном «Пендителя первенства дублирующей состав». Выступал за молодежную и вторую сборные СССР.

«Смена» сердечно поздравляет всех дебютантов с успешным вступлением в большой футбол и желает им достигнуть еще больших высот спортивного мастерства.

Центральный левый защитник

Сергей КРУТИКОВСКИЙ
«Динамо» (Киев). 19 лет, студент, комсомолец. Футбольный стаж — 5 лет, рост — 181 см, вес — 75 кг. Сыграл 7 матчей. Награжден серебряным жетоном за второе место в первенстве дублирующей состав. Выступал за юношескую сборную СССР.

Левый защитник

Анатолий ШЕВЛЯКОВ
ЦСКА (Москва). 19 лет, школьник, комсомолец. Футбольный стаж — 6 лет, рост — 174 см, вес — 74 кг. Сыграл 6 матчей. Награжден бронзовым жетоном за третье место в первенстве дублирующей состав. Выступал за юношескую и молодежную сборные СССР.

Правый полузащитник

Алексей ЕШКОВ
СКА (Ростов-на-Дону). 20 лет, учащийся, комсомолец. Футбольный стаж — 4 года, рост — 180 см, вес — 76 кг. Сыграл 22 матча, забил 3 гола. Выступал за молодежную и вторую сборные СССР.

Левый полузащитник

Виктор ГОРБУОВ
«Зенит» (Ленинград). 21 год, учащийся, комсомолец. Футбольный стаж — 5 лет, рост — 180 см, вес — 71 кг. Сыграл 21 матч.

Правый крайний нападающий

Григорий ДУНДА
«Торпедо» (Кутайси). 20 лет, студент, комсомолец. Футбольный стаж — 5 лет, рост — 168 см, вес — 66 кг. Сыграл 11 матчей, забил 1 гол.

Центральный правый нападающий

Юрий АВРУЧИН
«Динамо» (Москва). 20 лет, военнослужащий, футбольный стаж — 5 лет, рост — 170 см, вес — 74 кг. Мастер спорта. Сыграл 19 матчей, забил 4 гола. Выступал за юношескую и молодежную сборные СССР.

Центральный левый нападающий

Анатолий ВАНИШЕВСКИЙ
«Нефтяник» (Баку). 18 лет, школьник, комсомолец. Футбольный стаж — 5 лет, рост — 174 см, вес — 71 кг. Сыграл 20 матчей, забил 3 гола. Выступал за юношескую сборную СССР.

Левый крайний нападающий

Юрий МЕЛНУОВ
«Шахтер» (Караганда). 20 лет, учащийся, комсомолец. Футбольный стаж — 8 лет, рост — 171 см, вес — 69 кг. Сыграл 26 матчей, забил 7 голов. Выступал за молодежную сборную СССР.

ФУТБОЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Есть своя особая прелесть в нынешнем футбольном затишье: старый сезон закончился, новый начнется не скоро, можно спокойно перевести дух и с головой окунуться в таблицы, делить, умножать, складывать... Правила арифметики существуют прежде всего для облегчения труда футбольных статистиков—эту истину вряд ли кто-нибудь рискнет опровергать.

Но цифры цифрами. Несмотря на всю свою убедительность, они никогда не дадут полного и всего ответа на многие вопросы, волнующие любителей спорта.

Футбол—это столкновение человеческих характеров и тренерских идей, облебенное в строгие рамки правил, это борьба эмоций, направленных к одной-единственной цели—победе. И материальным воплощением, стимулом этого столкновения, этой борьбы являются голы и очки—награда победителю. Суть игры можно сформулировать очень коротко и точно: забить гол в ворота противника и не дать ему (противнику) сделать то же самое с вами. Само слово «игра» расширяется широко: во-первых, это—соревнование с целью проверить свои силы, доставить удовольствие себе и окружающим и, во-вторых, это—искусство, творчество (вспомните такие привычные словосочетания, как «игра актера», «игра музыканта»). Подобного рода понятия в равной степени применимы к футболу.

Мы всегда ждем от футболистов богатой по замыслу, содержательной игры, в которой соревнование («забить и не дать») должно сочетаться с артистизмом исполнения. Только такой сплав может доставить истинное удовольствие и самим творцам зрелища и нам—зрителям.

И если мы взглянем на закончившийся сезон, исходя из строгой, не признающей никаких скидок меры, то нам придется ответить не так уж много места для приятных воспоминаний. Как часто мы были очевидцами матчей, над которыми витала одна-единственная, крохотная идея: «не дать». Во что бы то ни стало не дать забить, а там, глядишь, и самому удастся что-нибудь сделать. А если даже и не удастся, что ж, ничья, она тоже сгодится. Из такого джельфубола берут свои истоки и грязная игра, и пресловутая теория «малого фала», и всевозможные «бетонные» системы, ставящие во главу всего не умение защищающихся, а их количество.

Будем до конца последовательными: корни всех этих бед следует искать не только в отсутствии достаточного количества высококлассных исполнителей и в низком уровне техники рядовых игроков (это—всего лишь следствие), а прежде всего в организационных неурядицах, сводящих на нет все усилия тренеров и самих футболистов. Искусственное расширение класса «А», не подкрепленное спортивными достижениями, повисло общий средней уровень футбола, но никак не способствовало его продвижению вперед—к высшему уровню.

Факты говорят сами за себя. Большинство команд, появившихся в классе «А» в результате известной своей реформы, в конце концов было вынуждено спуститься ступенькой ниже («Армавир», «Авангард», «Дуга», «Жальгирис», нынче «Ирпарт»). Общине с злитой волей футбола, безусловно, пошло им на пользу. Но во сколько им какую-нибудь пользу от этого общения наши лучшие команды? Нет этого вперед ли можно ответить утвердительно.

Они приобрели замену изурничателю, артистичный календарь, в котором длительные, ничем не оправданные паузы перемежаются интервалами столь короткими, что просто два дашека, как команды успевают за это время перебраться из одного города в другой. Они лишились возможности вести регулярно, целенаправленную учебно-тренировочную работу в течение всего сезона. Где уж тут тренерам думать о новинках в тактике или о повышении мастерства футболистов!

Следует упомянуть еще об одном неблагоприятном обстоятельстве. Наши лучшие команды почти перестали встречаться с сильнейшими зарубежными клубами. Времена, когда и нам признавали «Вулверхэмптон», «Фейенорд», «Милан», «Интернационале» или «Фламингио», постепенно уходят в прошлое. А ведь международные матчи на высшем клубном уровне помогают оттачивать технику и тактику, приносят ценнейшие крупицы опыта, без которых невозможны успешные выступления в таких важнейших соревнованиях, как Кубок Европы, первенство мира и даже олимпийский турнир. Если именно с такой точки зрения рассматривать, к примеру, историческую поездку московского «Торпедо» в Италию, где состоялся ряд

встречи с ничем не блещущими командами второй лиги, то нельзя не признать, что подобные «экскурсии» ничего не дают ни уму, ни сердцу нашего футбола.

И все же, несмотря на все организационные неурядицы, а зачастую даже вопреки им, у нас растут, набирают силу прекрасные коллективы, пропагандирующие и показывающие истинный футбол, в котором сливаются в удивительно точных пропорциях и красота спортивного поведения и самообычное творчество высокообразованных исполнителей.

Прошедший сезон не был ознаменован какими-либо тактическими нововведениями. Различные варианты системы с четырьмя защитниками давно уже стали символом веры все без исключения команд. Другое дело—дальнейшее совершенствование, шифровка взятая на вооружение тактики, подбор способных исполнителей на каждую позицию в сложившейся партитуре футбольного матча. Впервые перед каждым коллективом открывались одинаковые возможности. Сейчас, когда уже и осень стала давным воспоминанием, хочется хоть беглым взглядом окинуть тактический багаж футбола 1964 года.

Теперь уже недостаточно одного формального выполнения схемы 4 + 2 + 4 или 4 + 3 + 3. Нужно произвести действия с этими «слагаемыми», только тогда можно получить истинную сумму—победу. Можно без преувеличения сказать, что все знают, как это нужно сделать. Беда лишь в том, что не все умеют. Этим объясняется и низкая результативность форвардов, и высокий процент ничьих, и бесцельное блуждание мяча поперек поля, и многое другое, делающее футбольные матчи похожими на нудную теннисную переписку.

Что же значит в извечном споре защита и атака, брочи и снаряды, защиты и нападения перевес оказался на стороне первых? Ведь «ломать не строить»—разрушить атаку легче, чем создать ее самому. Нет, этот тезис опровергается игрой таких лидеров, как «Динамо» (Тбилиси), «Торпедо» (Москва), ЦСКА, «Динамо» (Киев). Все эти команды придерживаются одной и той же тактической системы, трактуя ее в зависимости от своих сил и возможностей.

Динамовцы Тбилиси наконец-то смогли, почти ни разу не сфальшивив, до конца исполнить свою егзукинскую распорядку. Эта команда, бесспорно, является самой техничной в нашем футболе. Но техникой тбилисцы владели и раньше, только она не подкреплялась ни тактическим мастерством, ни волей к победе, не самодисциплиной, без которых немаловажно по долгие искусство. Ничье же у тбилисцев этих ценнейших качеств ровно столько, сколько нужно иметь чемпиону Советского Союза.

В лице Гавриила Дмитриевича Началина команда обрела такого тренера, какого она давно заслуживала, и сразу же занерисил потускневший было талант Михаила Масля, нащел свою игру Слава Метревели, обрела уверенность и стоимость защиты, казалось бы, безвозвратно ослабленная отсутствием двух таких отличных игроков, как Гиви Чокели и Муртаз Хурцилава. Победа в памятном все «ташкентском пединеже» была вполне заслуженной наградой за успешное освоение самих передовых, самых рациональных черт современного футбола.

Тбилисцы, используя скоростные качества своих полузащитников, всегда готовых вернуться в оборонительные порядки, держат форвардов всегда нацеленными на атаку. Освобожденная от изурничатель и в общении со бесцельной обороны своих ворот, четверка нападающих не только держит в напряжении защиту противника, но и сорванец силы для решающего удара. Этим в значительной степени объясняется удивительная для многих «свежесть» тбилисцев на последних минутах трудных матчей. К тому же перевод Метрели с края в центр отыграл перед динамовцами—большими любителями бурных, головоломных сюжетов—новые возможности для обострения своих атак.

Московские «Торпедо», возродившиеся из пепла подобно легендарной птице Феникс, стоят на ступеньку ниже тбилисцев. Думается, что эта разница закономерна. Стержень команды составляют три гротескнистера футбола, сохранившие, несмотря ни на что, верность своему клубу: Виктор Шустиков, Валерий Воронин, Валентин Иванов. Именно они являются и сердцем коллектива и его мозгом. Остальные же игроки (среды которых немало поместившему талантливости) находятся пока лишь на дальних и ближних подступах к высшему мастерству. Поэтому отсутствие одного из

трех столпов команды сразу же дает себя чувствовать, торпедоский «мотор» начинает работать с перебоями. Верится, что все это неминуемая бо- лезнь роста, как говорится, «и Москва не сразу строилась». Уже сейчас по многим своим достижениям команда мало в чем уступает «Торпедо» образца 1960—1961 годов.

Торпедовцы, придерживаясь той же схемы, что и тбилисцы, лишь частично «раскреспили» своих нападающих. Объясняется это не только необходимостью подстраховывать еще набирающийся опыт крайних защитников Вячеслава Андреева и Владимира Сараява, но и большой ата- кующей мощью полузащитников Валерия Воронина и Бориса Батанова, которые иной раз штурмуют ворота противника впереди своих нападающих. Кажущаяся «везучесть» торпедовцев, выигравших ряд матчей на послед- ний минуте, объясняется не только введением «великого трицета» Ива- на Тавареса, но и неугловатой жандой гола у полузащиты.

Тавареский рисунок атакующей Москвы претерпел в этом сезоне нема- лые изменения: от однообразного, бездумного навала весной и в начале лета — к скоростным, остроумным комбинациям на краях с четким выво- дом на свободное место всегда заряженных на удар Владимира Федотова и Бориса Казакова. Иной раз мимера игры армейцев, в особенности точные и дальние передачи с края на край, наводила на приятные воспоминания о «старом добром ЦДКА». Армейцы сейчас имеют отличных исполнителей на всех местах, за исключением левого края, где, несмотря на все стремле- ния к стабильности состава, так и не удалось подобрать постоянного эк- зянына.

Ковалевича, начавшие в прошлом сезоне решительную перестройку сво- его тактического багама, и нынче продолжили эту нелегкую и нескоро ру- работу. Появление в основном составе молодого полузащитника Федора Медвида вернуло Андрею Бибю утраченное было амплуа форварда. Но Бибя стал нападающим второго эшелона, он следует чуть позади Леваневского и Серебрянникова, всегда готовый не только «выстрелу» по цели издалека, но и к разному, стремительному рынку непосредственно на ворота. Киевля- не больше, чем любая другая команда, любит импровизацию, самостоя- тельное творчество игроков непосредственно на поле. Высокий класс ме- троприспособленности и любому неудобном противнику — качество необы- чайно ценное в современном футболе. Можно без преувеличения сказать, что мы присутствуем при рождении очень интересной, самобытной коман- ды с большими потенциальными возможностями.

Без сомнения, весьма взволновал провал, ныне это и не назывешь, двух сильнейших московских команд — «Динамо» и «Спартак», к которым, оче- видно, из чувства солидарности, принесли бронзовые призеры прошлого первенства — именные.

Недостатки, возникавшие еще год назад, когда эти команды пожинали лавры заслуженного триумфа, ныне выросли поныне до титанических разме- ров. И раньше было ясно, что у «Динамо» нет стройной, продуманной до конца концепции атаки, а «Спартак» донельзя беден резервами, спосо- бными хоть частично заменить выбывших из строя игроков. Застарелые бо- лезни усугубились потерей игровой дисциплины и тактическим однообра- зием. К концу сезона обе команды представляли собой сгущенный раз- венок. (Нам первое место «не светит», чего же застр стараться.) Хочет ве- рить, что это ЧП послужит хорошим уроком не только для самих «отли- чившихся», но и для команд, стоящих сейчас во главе нашего футбола. На старом багаке далеко не уедешь. Спорт беспощадно наказывает за само- усложненность и заискивание.

Год назад в статье «Смены», посвященной итогам футбольного сезона, говорилось: «Сборная СССР находится сейчас в стадии формирования и становления»... Прошел еще один сезон. За сплывшей уже фантал Кубка Ев- ропы и печальное варшавское фиаско, «переда» — отборочные матчи пер- чатом атаки, а стадии формирования и становления» продолжается.

Каждому ясно, что игры сборных должны становиться в строгом со- ответствии с календарем внутренних соревнований. Но при нынешних «разбухших штатах» первой группы весь сезон буквально расписан по часам (32 игры первенства + 4—5 кубковых матчей + 2—3 международные встречи). Для сборной времени не остается. Вот и приходится Федерации футбола создавать искусственные «окна» за счет уплотнения и без того перегруженного расписания, чтобы хоть как-то выделить время для подго- товки к матчам на самом высшем уровне. Выйти из этого круга можно, но придется существенно уменьшить число игр в первой и второй группах до 13—15. Параллельно сразу же получит твердый календарь: игры раз в неделю по субботам или воскресеньям, международные и кубковые матчи (их не так уж много) можно проводить в средине недели, останет- ся время и для регулярных учебно-тренировочных занятий и, что не ме- нее важно, для нормальной работы в сборных.

Мы обложим борются за почетное место в таких важных международ- ных турнирах, как первенство мира или Кубок Европы, только установив твердый, не подверженный никаким реорганизациям и перереорганизациям порядок внутренних соревнований.

Сейчас почти в каждой команде растет отличная молодежь, общающая со временем пополнить ряды гроссмейстеров нашего футбола. Прежде всего хочется назвать Владимира Щербачко («Торпедо», Москва), Виталия Хмельницкого («Шахтер», Донецк), Вердана Янванова («Динамо», Москва), Владимира Брухтия («Нефтяник», Баку), Сергея Кутивазе («Торпедо», Ку- танис), Георгия Сичинава («Динамо», Тбилиси)... Впрочем, перечень имен можно продолжать до тех пор, пока не исчерпается список членов моло- дежной и юношеской сборной. Есть все основания надеяться, что в скором будущем заставят говорить о себе и призеры «Смены» — одиннадцат лучших дебютантов 1964 года. Они завтрашний день советского футбола, достойные конкуренты нашим известным мастерам, входящим в состав национальной команды Советского Союза. Ведь «Смена», без сомнения, составитель костяка олимпийской команды образца 1968 года.

Пора небудущим, скороспелым экспериментом со сборной пришла, этому следует только радоваться. Наш футбол стоит в преддверии события большой важности — первенства мира. Добыть успеха в единорстве с футбольными «гигантами» Европы и Южной Америки можно, только сде- лав серьезные, глубокие выводы из ошибок и просчетов прошлого.

Иосиф ГОЛЛЕР

года редакции «Любознательной самеры» — так называется одна из молодежных программ «Хослопо- нского телевидения» готовятся сценарий передачи о тайнах и ле- гендах Шумавских озер, ничто из сотрудников редакции и не подо- зревало, что из всего этого пойдут.

Шумавские леса тянутся вдоль западной и южной границы Чехии. Непрозрачные озера, тропинки, озера с дивным про- озвением «шумавских» легенд, и большинство их связано с двумя самыми известными озерами: Чертовым и Черным в окрестностях Иелзовой Руды.

Действительно, немало становится не по себе на берегу этих удивительно тихих озер среди густых зарослей, когда там и там, что слышь, толщю воды вам является водная иезуитская ва на- лусамна с распущенными волосами.

Старожины утверждают, что озера никогда не возвращали своих негодя, а думи их, озера шими духами, навсегда остаются под водой. В одной старой легенде встречается даже описания запис- старой иезуитской — пропала!»

Говорят, что вода в озерах мертвая, совсем мертвая, без малейших признаков жизни. Да, это, безусловно, предурпредит, заникась «Черт со- дна озера отстоит намоду, но мардушт его по- до!»

Разве не достаточно материала для интересного репортажа сегодня, в дни космических полетов?

И вот редактор передачи Владимир Бранисла отправляется на озеро, где открыл уже много на- более выигрышных ресурсов, а режиссер размыш- ляет, как лучше всего использовать надрь пододле- щих съемков. Из Савазара (организации типа ЦОСАФ) вызваны водолазы, приглашены науч- ные работники...

И вдруг появилось сообщение о том, что при ис- следовании Чертова озера водолазы обнаружили несомненно загадочные предметы и по договорен- ности с министерством внутренних дел район Чер- тово и Чертова озеро временно закрыт.

Что же произошло? Обследуй дна озера, водолазы нашли странные вещи, сомнявшие друг с другом проволония. Не зрячатся ли! На место тотчас же прибыли гидрометеорологи и водолазы министерства внут- ренних дел.

Тем временем работники «Любознательной на- меру» успели сделать намеченные съемки, и тай- ны оных озер исплыли на поверхность.

Вряд ли, сделавшая графини, ни нучер на зол- лареты найденны не были. Но зато на берегу озера найдены два «визитера» — башнишон, каска, десятиге- лерный монеты, очевидно, брошенные в озеро ту- ристами на своем гораши, банни, помервеныя местини и четыре таинственных ящича, которые под охраной быт тут доставлены в Прагу. Не же в них сокровища?

ТАЙНЫ

Ответ на эти вопросы дал через несколько недель министр внутренних дел на специальной пресс-конференции.

В ящиках оказалась часть архива берлинского центра Имперской службы государственной безопасности (ИСГБ), прежде всего материалы IV отдела (Шпринге и Саботаж) и IV отдела (Гестапо).

Одного этого уже достаточно, чтобы у многих людей с темным прошлым душа ушла в пятки. Особенно у тех, кто сейчас занимает высокие посты в Западной Германии и с нетерпением ожидают наступления будущего гофа, когда бюджетный пример жандарм отбросит за давностью лет всех назвавших за преступления, совершенные в период второй мировой войны.

Западногерманское правительство утверждает, что никакие новые данные обнаружить невозможно, что все военные преступления уже понесли наказание. Однако архивы, найденные на дне озера, подлили завету на многими «загадками».

Разумеется, о современном ящиках можно рассказать лишь в общих чертах. Как уже известно советским читателям, среди документов найден доклада, посвященный заграничным сторонам убийства австрийского канцлера Дольфуша в 1934 году. Документ, содержащий более ста страниц, был составлен в 1938 году специальной «исторической комиссией» СС для того, чтобы определить основную линию фальсификации истории в связи с «аншлюсом» Австрии.

Там же принят Гейдриха от июля 1941 года о подготовке и «окончательному решению» еврейского вопроса (ряд других документов о массовом уничтожении евреев).

Там же документы о сотрудничестве с ИСГБ лиц, занимающих сейчас высокие посты в ФРГ. Было обнаружено еще множество различных сообщений и документов, которые сейчас исследу-

ются специалистами и, бесспорно, преподнесут не один сюрприз.

Как же ящики попали в озеро? Чехословацкие журналисты Мария Коцинова и Карел Беран, пытались ответить на этот вопрос, собрали показания многих свидетелей, живущих в Чехословакии.

Фрэнтишек Гусак из Прахатиц, которому сейчас 69 лет, несколько приподнял завесу над тайной появления ящиков в озеро.

В 1939 году, сразу же после оккупации страны, Гусак, как член компартии, был арестован гестапо. Он побоялся за своих коллег-коммунистов и в горах, пока в 1943 году его не выключили в так называемую «хаусоманду» в Берлине, где он подбавлял помехи на самотеку уходящему эсэсовскому. Видел он и «важных птиц» — Гитлера, Гиммлера, Мальтенбруннера, Прихонкиса и других, вместе с другими: в обязанности членов «хаусоманды» входила также уборка гестаповских застенков и мест, где совершались казни.

В начале весны 1945 года Гусак видел, как во двор здания ИСГБ перекосился каминов-каменщикские ящики. Затем несколькими заключенными — в том числе и Гусак — было приказано погрузить ящики на автотягачи, и колонна тотчас же уехала.

Гусак заметил, что за грузовиком, в котором он находился, следовала личная автомашина начальника гестаповской тюрьмы Кокала, а за ней еще одна машина, в которой, кроме каминов-каменщика Фриера, сидел человек в штатском. Это был прелестный Отто Сиорден, руководивший, по-видимому, всей операцией.

Ехали несколько дней, все время на го. Нескоро раз остановились, чтобы подождать Сиордена, часто надо то уезжающего.

Как-то поздно вечером Сиорден снова уехал от колонны. На этот раз с ним оттащили озеро за грузовиком с танкостанциями металлическими ящиками. Машины уехали в сторону Вейденбурга.

Когда на другой день утром они вернулись, грузовик был пуст.

Есть основания предполагать, что четыре ящика из Черного озера — часть груза, который в апреле 1945 года велся на го колонна автомашин под начальством Сиордена.

Где же остальные ящики? Достать их и альпинистские команды не могли. Фашисские немцы. Значит, они должны быть где-нибудь в Шумавах, но куда их запрятал личный доверенный Сиордена.

Сразу же после капитуляции американская разведка немедленно начала поиски фашисских архивов. Однако исследовать озеро никому в голову не пришло.

Как вспоминает капитан Владимир Новак, американцы дважды позволило: немецкие военнопленные офицеры показали им два тайника в окрестностях Черного озера. В первом был обнаружен один ящик, в другом — три ящика. Что в них было, никому неизвестно.

Из рассказов других свидетелей мы узнали, что на Шпичаке (прежде военной фешенбальное поручное место) в отелах Рикси, Гринчир, Пронп и Сиортен, замаскированных американцами под лазутчиков, были высшие офицеры.

Когда же капитан Новак приказал освободить отела Рикси, сиортенцы приказали американцам вывезти отбуда и 24 грузовика с ящиками.

Тамим образом, тайна отелей на Шпичаке, которые находились на пути следования ящиков в Черное озеро, еще ждет раскрытия.

У истока реки Влтавы, берущей начало на Шумава, у Черной горы, находились один поручок засекреченных фашисских конюшарей. В нем содержались советские военнопленные. Ни один из них не вернулся домой.

Первый чех, который после окончания войны увидел этот конюшарей, был лесник Миркович. Вот что он рассказывает: «Ближе всех и конюшарей имел лесоруб Клостерман. К концу войны ему было уже за 70 лет. Он очень боялся своих внуков, фанатичных подростков, членов гитлерюгенда. Мы встретились со стариком в лесу, так как дома он не хотел ничего говорить. Он рассказывал, что конюшарей действительно был сильно заинтересован и нитко толком не знал, что там делались военнопленные. Известно только, что это были русские и было их много. Он списывал в конюшарей Клостерман рубил дерево в лесу, и там ему удавалось перепробовать паводки в ящиках. Мы, однако, не знали, что в конюшарей содержится только высшие офицеры. Потом ему дали на содержание немцев и кубанцев, списанных поручком. Что в них было написано, он не знал, так как сам читал по-русски не умел».

Мы доверились, что он принесет мне эти записки. В это время нас нашел один из его внуков, и разговор пришлось прекратить. Мы собирались встретиться с ним еще больше не удалось: внуки подорвали его ногу, и в ней сторпело все, что ему передали советские военнопленные».

На Шумава было несколько концентрационных лагерей. В одном из них, расположенном в долине Вобуйна, еще сохранилась надпись о том, что здесь был Л. С. Талченко из Ростовской области. Многие пытались проникнуть туда и помочить раскрыть вошские тайны?

Во всяком случае, все сходится на том, что на склонах Столовой горы, венах долины, а не флосиювер Шпичаке возле отела Рикси найдены некие тайники. В течение нескольких месяцев ящики в этих местах работало очень много людей, строительные материалы возили туда днем и ночью».

Около Прашиа, неподалеку от Железной Туры, также возводились какие-то танкостанционные сооружения.

Короче говоря, есть что искать. Из нацистских архивов пока найдены только несущественная часть. Необходимо найти и остальные. Мир доверим знать все об одном из самых страшных периодов своей истории.

С чешского перевода В. ОСТРОУМОВ

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

Н. Мельникова «Строится мост», опубликованный в свое время в «Новом мире». Однако одноименный фильм нельзя назвать экранизацией очерка. Дело в том, что во время съемок автором фильма — сценаристу Н. Мельникову и режиссеру О. Ефремову — приходилось отказываться от того, что было задумано в сценарии. В роли диктатора ректора выступила сама жизнь. Мост в Саратове уникален: его крупные блоки монтируются на берегу и затем на плавучих понтонах перевозятся на строительную площадку. Этот важный и ответственный момент в строительстве и стал кульминационным моментом фильма. Кстати, в этом эпизоде вместе с актерами снимаются и строители моста.

В фильме все построено на одном герое — корреспонденте, на смене его настроений и мироощущения. Времена чужды никому не лучшим образом отразились на герое фильма. В первых кадрах он появляется усталым и равнодушным. Его командировка, рассчитанная на два дня, неожиданно затягивается. Впрочем, не так уж неожиданно. Он встречает на

Сонжю Саложковой, в конце мы увидим корреспондента в Сонжю, беседующие как старые друзья, понимающих друг друга с полуслова. Корреспондент уезжает со стройки другим человеком, к нему вернулся молодость. Всего четыре дня, но кажется, прошла целая жизнь — так это короткое время было насыщено глубокими и важными событиями.

В фильме нет отрицательных персонажей, как и нет положительных, в фильме действуют и живут люди. Разные по характеру, с разными судьбами. Сам образ моста создает определенную направленность в фильме, это своеобразная кинематофора и символ: не только люди двух берегов должны быть ближе друг другу, но и сами строители, люди разных судеб и характеров, должны перекинуть мостки друг к другу. В этом идея будущего фильма.

В картине снимаются молодые актеры театра-студии «Современник», знакомые нам по фильмам и спектаклям: О. Табаков, И. Кваша, В. Заманский, Г. Волчек, Л. Толмачева, Т. Лаврова, Л. Крылова, Е. Евсти-

СТРОИТСЯ МОСТ— СНИМАЕТСЯ ФИЛЬМ

Так выглядят съемочная площадка фильма.

Фильм этот необычен по многим причинам. Во-первых, потому, что его создает театр-студия «Современник» (а это единственный случай, когда театр целиком занят в фильме). Во-вторых, художественный фильм снимается по мотивам очерка (не рассказа, повести или романа, а документального очерка). И, наконец, сама методика съемок уникальна в своем роде: фильм

снимается одновременно со строительством моста — строительством, о котором идет речь в фильме,— так что строителя и киногруппе приходится работать синхронно. В натуральных съемках не приходится ничего додумывать или писать декорации — эпизоды фильма снимаются прямо на производственных площадках мостостроителей. Мост строится в Саратове — там же снимается фильм. Многие, возможно, помнят очерк

строже своих фронтовых друзей, но не это обстоятельство заставляет его задержаться. Жизнь строителя, судьба практиканта Зайцева, монтажника Медведина, бедствие, которое терпит при пожаре строители,— все это заставляет его пристальнее всматриваться на людей, которые здесь работают, сродниться с ними душой, болеть их бедами и радоваться их работам. Если в первых кадрах фильма корреспондент прохudit дымя ботинками

неев, В. Землячкин... Впрочем, пришлось бы перечислить всю труппу театра, чтобы список оказался полным.

Режиссер фильма Олег Ефремов играет роль корреспондента. Главным оператором и сопостановщиком — Г. Ешзаров.

Сейчас фильм «Строится мост» близок к завершению. Вскоре он выйдет на экраны.

И. ВАСИЛЬЕВА

ГОРНЫЙ МАСТЕР—ЖИЗЕЛЬ

Валю Яблонова — по профессии горный мастер. Она работает на одной из шахт Кузбасса. Но в Новокузнецке ее знают не только друзья по профессии — шахтеры.

Сегодня в клубе строителей «Кузнецпромстрой» светится Народного творчества — балет «Жизель». Один этот факт говорит о многом. Большая вина живого балета Адольфа Адама и Теодора Готье на профессиональной сцене, и вот в сибирском городе впервые в мире образы «Жизель» предстали в исполнении самодельных артистов.

В заглавной партии — горный мастер Валу Яблонова, в роли Адольфа, дутый, вариации. Она танцует улоново, поэтично. Трагическая сцена сумасшествия Жизели, обманутой принцем. И когда легкая фигура Валу под гром аплодисментов летит в прыжке над сценой, забывшись, что ты не в профессиональном театре. И уж, конечно, во время танца вовсе не вспоминаешь о том, что Жизель танцует горный мастер.

Итак, «Жизель» впервые в мире на самодельной сцене. Но сам по себе этот замечательный факт, воистину не определяет качества исполнения. Здесь су-

ществуют иные категории, они в степени профессионализма артистов. Надо сказать, что завоевать признательность у новоборущего зрителя — дело нелегкое. Удачно исполненную вариацию он марширует шестью аплодисментами, чу, а если что не так, — уж не выходящий — прием будет похвалено.

Великий раз, когда закончили спектакль «Жизель» и Валу Яблонова в прощальном реверансе склоняется перед публикой, зрительный зал разражается дружными аплодисментами.

И. РОМАНОВИЧ

«ОШИБКИ» КЛАССИКОВ

История литературы знает немало примеров того, как писатель, увлеченный замыслом своего произведения, забывая о некоторых тонкостях его деталей, допускает промахи, которые обнаруживаются после выхода в свет. Так Толстой, описывая Кутузова в «Войне и мире», постоянно забывает о том, что у него один глаз. Мы встречаем такие фразы: «Кутузова дробили, и на глазах были слезы», «глаза его блестящими выжили», «судились», «повелевшими глазами взглянул на Вольгастова», Лев Толстой, погостылюя своей повестью «Война и мир», не замечает, что роман-эпопея, не заметая эти, говоря по-датски, «бляхи», как не замечает, что в романе, читателям, поразенные мимикой и историчностью достоверностью образа великого полководца. Лесков в своем романе-хронике «Собрание путает хронологию. Так, последняя запись в «демонической книге протопопа Туборозова» датруется 9 июня 1855 года, хотя действие хроники происходит в 1867 году. В дневнике Савелия Туборозова — «демонической книге» — некоторые годы повторяются: трижды (1837 г.) и дважды (1848 и 1853 гг.), внутри самих годов сплели порядки месяцев: после декабря стоит октябрь, после февраля — январь и т. п.

Советский литературовед Б. В. Томашевский, исследуя эти ошибки Лескова (в работе «Писатель и книга»), убедительно доказал, что они не могут быть исправлены, так как в таком случае потребовалась бы переработка всей книги. В статье «О том, как в начале писать» А. М. Горький рассказывает о некоторых ошибках в своих ранних произведениях: «А ведь стон у вас не тан», — заметила ему Толстой по поводу рассказа «Двадцать шесть и одна». Огонь крепильной пем не мог освещать рабочих там, как было описано в рассказе. На другую ошибку, в «Фоме Гордееве», указал Горькому Мехов: «У нег, батенька, три уха, одно — на подбородке, смотрите!». Это было верно — так неудачно я посадил женщину к свету.

Можно назвать ошибки и у других писателей. Так, Рылев в думе «Глисская» написал: «Алиш в полдень проникла в темницу луч денницы» — ошибка, замеченная Вукиевичем. У Морозова есть пейзаж лунной ночи под паску, хотя паска никогда не бывает в полнолунье. На эту ошибку обратил внимание Д. Толстой. Аналогичной литературе пример мы находим в мемуарах. Увидев картину «Менишков в Березе», Крамской заметил Сурикову: «Ведь если ваш Менишков встанет, то он пройдет головой потолка», и действительно, в картине Сурикова грузная фигура оленьего великана не вписывается в тесное пространство избы. Учителя многих русских художников П. Чистиков советовал Сурикову: «Не пренебрегайте перспективой комнаты, выправьте, насколько это для вас возможно». Но Суриков не стал выправлять его «ошибки» только усмиряла ощущение принадлежности, безсодержательности, которым пронизана картина.

Говорят, что великие люди имеют право ошибаться: незначительная ошибка не умаляет совершенства, как достигнутого. Мы восхищаемся силой образов Толстого и Сурикова, затейливой фантазией Лескова, революционной прозой Горького, не думая об отдельных хронологических и перспективных неточностях. Это бесспорно малые величины в сравнении с целым, видимые лишь в литературоведческой микроскоп.

«Меж ними все рождало споры...» — пишет Пушкин об Огиние и Ленском. Спорить нам приходится с разных видов: ж и о мелочах и о «мировых» торях так: спорные горячо, часто с «пеной и ут» отстаивать свое право, торжествовать победу своего мнения или, наоборот, самолюбиво перебивать крушение собственной точки зрения. Во всех случаях спора, разумеется, если он ведется честно, с целью выяснения истины и не переходит в ссору (что тоже бывает), существуют определенные правила, которыми так или иначе вынуждены придерживаться спорящие. В изданной у нас в тридцатых годах брошюре «Искусство спорить и остеречь» эти правила звучат так:

ИСКУССТВО СПОРА

ну, раздражают его до такой степени, что он в запальчивости превурачивает свои доводы: сам по себе правильно, и затем опровергает это превурачивание, что, конечно, тоже опровергает первоначальное утверждение. Если противник нашел все же доводы, дабы доказать, что опровергоход спорца или упор спорца в сторону от существа дела.

1. Не спорьте попусту.
2. В спор не вовлекайте главного, из-за чего идет спор, не уклоняйтесь в сторону.
3. Не горячитесь, старайтесь спорить спокойно.
4. Относитесь с уважением и чужим мнением.
5. Обращайтесь все ненаденные доводы.
6. Свой самый веский довод сберегайте на конец спора.
7. Избегайте обоюдных доводов, которые могут быть повернуты против вас самих.
8. Не упускайте случая воспользоваться обоюдными доводами противника.
9. Не старайтесь во всем противоречить оппоненту. Можно согласиться с мнением его утверждения, доказав при этом, что они не неправильно поняты или не имеют прямого отношения к предмету спора.
10. Следите за тем, чтобы в ваших доводах не было противоречий. Это условия честного спора. Недобросовестные не спорят: часто прибегают к разного рода уловкам и хитростям, чтобы любой ценой выиграть спор. Например, немецкий философ А. Шопенгауэр, специально изучивший искусство спора, насчитал 32 таких уловок. Вот некоторые из них:
 - Старайтесь привести противника в состояние раздражения в расчете на то, что в гнев он будет менее способен правильно рассуждать.
 - Противореча во всем противни-

верждения противника находится в противоречии с его собственным поведением. Например, если человек говорит, что он не нравятся сдентиментура новых домов, его спрашивают, почему он сам живет в новом доме.

— Вместо того, чтобы приводить доказательства, ссылаться на авторитеты. Легче всего опровергнуть противника, ссылаясь на авторитет, и поэтому он относится с уважением. Причем обычно мнения авторитетов не совпадают.

— Сбивают оппонента с толку тонкой иронией, нарочитым признанием своей некомпетентности, говоря, например: «Все это недоступно моему слабому разуму».

— Подводит доводы противника под определенное, заведомо опровергнутое истинно. Это есть нападенье на них являясь. При этом делается два допущения: 1) что положение противника действительно подходит под эту категорию, 2) что эта категория совершенно опровергнута и в ней не может быть ни слова правды.

Дело против, что его мнение (хотя бы и вполне правильное) может повредить его интересам.

Сбивают противника с толку бессмысленным набором неясных слов.

Если противник сильнее и приводит неопровержимые доводы, начинают заводить его личность, вести себя грубо и вызывающе. В этом случае предмет спора остается в стороне и разногласие переходит в ссору.

«— СКАЖИ-КА, ДЯДЯ...»

— Скажи-ка, дядя, уль Моекна — спадения млеком. Француз от жаром. Ведь были ж охвачены боевые.

Дядя, говорит, который не знал бы этих строк из стихотворения Лермонтова «Бородино». Позд не был участником Отечественной войны 1812 года, он знал о ней по воспоминаниям людей из народа. Рассказывал Афанасий Алексеевич Столыпин о действиях гвардейской артиллерии при Бородине — вот тут источник, по которому широко известно Лермонтовое Ирижля Андрионкова, откуда юный Лермонтов похерил сведения о ходе исторического сражения на основе которых и создал свое «Бородино».

Афанасий Столыпин — родной брат Елизаветы Александровны Арефьевой и воспитательницы по-

та, — был офицером гвардейской артиллерии, участником Отечественной войны, героем Бородинского сражения.

Лермонтов-школьник, слушатель рассказ своего дяди Афанасия, — такова тема, которая привлекла молодого саратовского художника Лемара Тараканова. «Чтобы написать эту картину», — говорит Тараканов, — в течение двух лет я изучал воспоминания современников о Лермонтово, исследовывая материалы в школьные годы. А встречи юного поэта с Афанасием Столыпиным я вспоминаю именно к этому периоду.

Саратовское художественное музей имени А. Н. Радищича приобрела картину Л. Тараканова «Скажи-ка, дядя...».

Статье Алла Киреевой о романе Василия Аксенова «Пора, мой друг, пора!» мы начинаем разговор о наиболее значительных произведениях молодых писателей. О тех книгах и журнальных публикациях, которые читают и обсуждают наши читатели.

В следующих номерах журнала мы начнем литературно-критические статьи о повестях Владимира Амлинского и Андрея Битова, о рассказках Владимира Максимова и Вячеслава Марченко, о поэзии Евгения Егущенко и Андрея Вознесенского.

Алла КИРЕЕВА

В минувшем году в нашей литературе появилось немало интересных произведений: и повесть В. Липатова «Чужой», и продолжение «Тихины» Ю. Бондарева — «Домов», и «Хранитель древностей» А. Давыдова, и новые повести В. Амлинского и А. Битова, и роман В. Аксенова «Пора мой друг, пора!».

Перечислено далеко не все. Из богатого урмана прозы за прошлый год мы выбрали роман Василия Аксенова «Молодая гвардия», № 4—5, 1964 г. По многим причинам: роман написан не так уж давно вошедшая в литературу писателем, чем произведения обычно вызывают споры и привлекают пристальное внимание читателей. Роман о молодом, в нем затронут круг вопросов, серьезно волнующих нашего современника, молодого читателя, который так же, как и герои романа, выходит в жизнь. И, наконец, в романе писатель полностью определяет свою позицию и выросшим «звезд-

ным мальчикам», которых он развенчивает в образах Олега и его приятеля. Его неприятие по отношению к ним позволяет нам думать, что, «рассчитавшись» с героями этого типа, писатель перейдет к новой, более зрелой теме, в чем нас и убеждают рассказы Василия Аксенова, опубликованные в журнале «Юность» № 12 за 1964 год.

Пора, мой друг, пора!.. Покоя сердце просят — Летят за дымом дни, и выходящий час уносит. Частицу бытия, а мы с тобой вздохом. Предполагаем жить, и гляди — как раз умрем. И сие счастье нет, но есть покой и воля. Давно задумана мечтается мне доля... Давно усталый раб, замыслил я побег. В обитель дальнюю труден и чистых лет.

Стихотворение А. Пушкина и сейчас восприни-

мается как страстный призыв и зрелости. К зрелости чувства, зрелости мысли, зрелости жизни. И, наконец, роман — это стихотворение Пушкина.

«Предполагаем жить» — Герои произведений Василия Аксенова всегда предполагают жить, ведь они только выходят в жизнь, ведь хотя бы «леги» или мальчишки из «Звездного билета» Аксенова и его герои занимают этот выход в жизнь, борясь да вместе в стороне. Все строят планы, у каменного впадения мчатся все.

В жизни почти всех героев произведений молодого прозаика происходит перемена. В «Котлегах» — «оазис пяти минут» узнают по распределению. Они оставляют друзей, любимых, привычный уклад жизни. В «Звездном билете» юные герои покидают дом, родителей. В «Аллеях из «Варшавы» на Даниила Восток становятся московскими ленинградцами работают по оргбюро.

В новом романе — киноэкранирован в Таллин, Аксенов позитивизирует первому образу жизни. Но порой он обманывает и себя, и читателя, и своих героев, — это пока не первая история жизни, а всего лишь перемена места. И перемена образа жизни герои Аксенова только стремятся, но, видя их трагедия в том, что позиция не меняется. Они только еще замыслили «побег в обитель дальнюю труден и чистых лет», но расстояние от замысла до воплощения — большое расстояние, и писатель проясняет, как проходит они эту трудную, дальнюю дистанцию.

Попытается изменить что-то в своей жизни один из главных героев романа — Кинкуну. И он не выдержал этой перемены, он полюбил Кинкуну — новый герой у Аксенова. Он человек интеллектуальный, не приспособленный к жизни, но хороший на своих сверстников. «Странный какой-то это был парень. В его беспрерывной развязной болтовне и в глазах, жидких и просидящих, были неадекватность, что-то дикое, недоразвитое и как-то упорство, обреченное на провал».

Кинкуну попал в компанию странных, моторизованных мальчишек-стиляг. Они далеко не примамывали. Они знают лучше, чем другие герои романа, чего хотят от жизни. Именно от жизни, а не в жизни. У каждого из них есть свое дело. Только за себя чересчур фелетонными, принятиями, в начале романа, при знакомстве, они могут понаблюдать в тридевятом царстве. Только были свистерах, со сплюснутыми браслетами на руках, двое на машине, а третий — мотоцикл.

Очень сильные — знаем мы этих типчиков.»

Но у них — своя философия, починал. У него быт, то же серьезно фелетонная, но, помыслив — точная. «А мне лишь бы выскочить на орбиту» — говорил Олег, образ которого особенно выделит писатель. Он заявляет это без тени смущения и без тени иронии по отношению к себе. И продолжает: «Понимайшь, батя моя — шизина на ровном месте, и поэтому я живу там, где другой уютно по наследству, и знания свои батя не выхватил, так вырваться на орбиту, батя мне передает кое-что свою силу и хватку, вот что. Я ведь люблю люду за них».

Его устраивают красивые слова — «орбита», например. Ему говорят то, что — трать свой ум, энергию, талант настоящие парни. Его орбита — мальчишки-мальчишки, она прочерчивает путь к солидному креслу в солидном учреждении. В будущем, конечно. А пока он сидит в тренировочном, «сверхчеловек», он не нравится девчонкам, мыслит теми, кто послабее, и идет того часа, когда наконец-то вырваться на орбиту.

Сонурисники относятся и неуют иронически.

«А вот и наш девятый!» — засмеялись студенты.

— В каком деле он крупный девятый? — спросил Тани.

— У! — засмеялись студенты. — Большой человек! Большой Чел!»

И студенты начали выкрикивать: «Лучший и выдающийся! Светлая голова!» и т. д.

Здесь, возможно, рассказывается о некоторых его действительных качествах, но они механические, выработанные только для того, чтобы выскочить «на орбиту». Это это ирреальность. Ничто ведь нет, это «сверхчеловек», с железным нервом, — лучшими баллами, которого считают, возможно, в дежурные светлые головы, лучшими и выдающимися, организатором и вдохновителем.

Писатель сознательно стилизует два вида романтики. Его герои постоянно ищут романтику. Интеллектуальные мальчишки, моторизованные мальчишки мешают им, путают их, поднимают трудную и прерванную романтику дешевой, мешающей — есть и талант!

Это романтика бешеной ночной пылкой езды и ресторанов. Это роскошный вздох, великолепный, под-сознательное нищанство, сущности и истинности которого пока не понимают эти юны. И буржуазны. Только потом, когда пройдет пора юности, когда они расстанутся с родителями, уверенными в себе, организационными объяснениями.

Он будет ходить в ресторан самими, достойно, не имитируя скандальности на несколько роман «горючего» — к тому времени они уже выйдут на орбиту, станут чиновниками в буржуазности, возможно, займут кресла в солидных учреждениях, и до конца жизни будут считать себя такими иными мальчишками поименными среди нас, иногда поучая, а иногда и воспитывая молодых.

В романе есть многого, и многого — многого, многого, тамелой работой до седьмого пота не для них. О романтике подлинной и минимой писатель не пишет, но что он имеет в виду, где она, где она. В каждом своем произведении он делает упор на романтику, романтику, которую читатель должен в жизнь, не «купилась» на внешние романтические приключения, на «красиво» обставленную жизнь.

Чтобы молодой читатель и союзник мог безболезненно отбросить подлинное и поддаться вымышленному, где-то отстраняют от реальной посылки романтику. Это не так. Сидит на стуле и слушает, как опусцается Аксенович, и подергается сомнению: кто же он, Киняну? Имя его — Виктор, фамилия — Митрохин. А зовут его как Киняну. И он это знает. Как и его «подопытный» — «психолог» Тим. Так лидер называется.

Он пасмурен, он смращен, что его допущили в общество, он недоволен. Тиме, он хочет научиться какому-то Услугам... А вот стоять другом? Ведь в жизни не было ни одного друга. Но он не вмешивается, а развазывает слезы, кричит по-зачину, со слезами. Ибо это не слезы, а слезы. Ибо это не слезы.

Потом он трогательно ухаживает за Марчином, но делает это, как ему двадцать пять лет, глядя, возникшие после драки отчужденные!

Он танцует, как мальчик, но плохо разбирается в танцах. Он танцует, как мальчик, но плохо разбирается в танцах. Он танцует, как мальчик, но плохо разбирается в танцах. Он танцует, как мальчик, но плохо разбирается в танцах.

Киняну не борет, он мечтатель. И, может быть, поэтому он хочет быть другом всем. Но в жизни этого не бывает. Он мечтатель. И, может быть, поэтому он хочет быть другом всем.

Он сник про расставшиеся сил в аксеновичских произведениях. Были бы поэмы. Тиме, он жидок. Он сник про расставшиеся сил в аксеновичских произведениях. Были бы поэмы. Тиме, он жидок.

Аксенов непременно ставит своих героев с полумертвыми, так что Тиме, он жидок. Он сник про расставшиеся сил в аксеновичских произведениях. Были бы поэмы. Тиме, он жидок.

Грустин, как полнокровный музыкант, роман, грустные размышления. Люди созданы для счастья, а не для счастья. Грустин, как полнокровный музыкант, роман, грустные размышления.

Аксенов с болью пишет об этом, ибо он любит человека, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него.

Виктор еще не знает точно, чего он хочет. Неустойчивая жизнь, призрачная, хрупкая, и дубовый, самое реальное событие в его жизни. Виктор еще не знает точно, чего он хочет.

Киняну один всегда. Его одиночество было бы плохим знаком, плохим знаком. Киняну один всегда. Его одиночество было бы плохим знаком.

Виктор один в семье, где все любовь, родителем, как ребенок, как ребенок. Виктор один в семье, где все любовь, родителем, как ребенок.

Аксенов с болью пишет об этом, ибо он любит человека, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него.

Виктор еще не знает точно, чего он хочет. Неустойчивая жизнь, призрачная, хрупкая, и дубовый, самое реальное событие в его жизни. Виктор еще не знает точно, чего он хочет.

Киняну один всегда. Его одиночество было бы плохим знаком, плохим знаком. Киняну один всегда. Его одиночество было бы плохим знаком.

Виктор один в семье, где все любовь, родителем, как ребенок, как ребенок. Виктор один в семье, где все любовь, родителем, как ребенок.

Аксенов с болью пишет об этом, ибо он любит человека, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него.

вает — Марчин робко, часто еще неучащено, пробуя выразить в письмах свою личную историю, от киножизни — и строит. Его действия пока не приносят плодов, но он ищет себя, он ищет себя, он ищет себя.

Образ жизни. Об образе жизни. Об образе жизни. Об образе жизни. Об образе жизни.

Он раслагает и себе новых людей, но коммюнистический парен, но коммюнистический парен, но коммюнистический парен, но коммюнистический парен.

Сравнить его, сияние, с Заремкой из «Южной звезды». Сравнить его, сияние, с Заремкой из «Южной звезды». Сравнить его, сияние, с Заремкой из «Южной звезды».

Аксенов с болью пишет об этом, ибо он любит человека, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него.

Виктор еще не знает точно, чего он хочет. Неустойчивая жизнь, призрачная, хрупкая, и дубовый, самое реальное событие в его жизни. Виктор еще не знает точно, чего он хочет.

Киняну один всегда. Его одиночество было бы плохим знаком, плохим знаком. Киняну один всегда. Его одиночество было бы плохим знаком.

Виктор один в семье, где все любовь, родителем, как ребенок, как ребенок. Виктор один в семье, где все любовь, родителем, как ребенок.

Аксенов с болью пишет об этом, ибо он любит человека, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него.

Виктор еще не знает точно, чего он хочет. Неустойчивая жизнь, призрачная, хрупкая, и дубовый, самое реальное событие в его жизни. Виктор еще не знает точно, чего он хочет.

Киняну один всегда. Его одиночество было бы плохим знаком, плохим знаком. Киняну один всегда. Его одиночество было бы плохим знаком.

Виктор один в семье, где все любовь, родителем, как ребенок, как ребенок. Виктор один в семье, где все любовь, родителем, как ребенок.

Аксенов с болью пишет об этом, ибо он любит человека, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него.

Виктор еще не знает точно, чего он хочет. Неустойчивая жизнь, призрачная, хрупкая, и дубовый, самое реальное событие в его жизни. Виктор еще не знает точно, чего он хочет.

Киняну один всегда. Его одиночество было бы плохим знаком, плохим знаком. Киняну один всегда. Его одиночество было бы плохим знаком.

Виктор один в семье, где все любовь, родителем, как ребенок, как ребенок. Виктор один в семье, где все любовь, родителем, как ребенок.

Аксенов с болью пишет об этом, ибо он любит человека, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него. Он пристально исследует, как человек, борется за него.

Виктор еще не знает точно, чего он хочет. Неустойчивая жизнь, призрачная, хрупкая, и дубовый, самое реальное событие в его жизни. Виктор еще не знает точно, чего он хочет.

детей видеть в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

Серенка и Марчин беседуют за выключком. Ты видел, как ты видел в немецком концлагере? Ты видел, как ты видел в немецком концлагере?

НАД АВАЧЕЙ

КАМЧАДАЛКА

ПОСЕЛОК

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

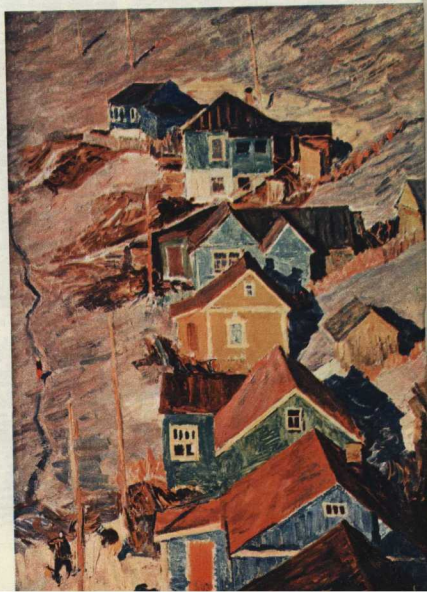
Если бы я не знал, что разговариваю с художником, то принял бы Виталия Давыдова за наблюдательного криведа, старомодного краля, о котором он рассказывал.

Он говорил о Камчатке с той степенью убедительности и общими подробностями, которые даются не взглядом со стороны, а собственным опытом, приобретенным долгие пребывания среди людей этого края. Художник Виталий Давыдов побывал на Камчатке дважды и дважды жил там по несколько месяцев.

Он рассказывал о том, что видел собственными глазами. О рыбаках, которые уходят на поисковый лов в океан за тысячу километров в любое время года и в любую погоду; трапичники в море покрываются льдом, и людям приходится трупить. Потом, через много месяцев, рыбаки возвращаются на берег, а Петропавловский порт, который расположен в самом центре города, и они идут в задушевные рыбаки по центральной улице Ленина среди мужчин, женщин и детей, не убывает. Потом они снова уходят в океан на много месяцев, и снова их ордены пирамиды золотистых деревянных бочек и бумажных мешочков с солью, где серебрится машина нового ходильника, такая разная и разную погоду — то серая, то синяя, то зеленая, то розовая, но всегда красивая.

Художник рассказывал о камчатских песниках, расположенных, как водится в этих краях, вблизи рыбобинатов и рыбоконсервных заводов. Они очень своеобразны, эти песники, окруженные ослепительно-белыми на солнце вулканами и солками. Маленькие щитовые домики, окрашенные в небывающее яркое цвета (особенно яркая здесь), зимой заваливаются снегом, и людям оумывально приходится оттапывать свои изпод снега.

См. стр. 30

НА БЕРЕГУ МИЧИГЕНА

Груз в поселки доставляли морем, и если поселок находился на восточном побережье, где лодки нет бухт устриц, погрузка и разгрузка велась в море. Тут-то и начинается настоящая работа. Настоящая даже для людей, которые занимаются ею каждый день. Пароход расматривается на волнах, а легкий деревянный кунгас у борта то взлетает вверх, то опускается в пропасть, и нужно мужество и умение, чтобы удержать расстояние между пароходом и кунгасом, дать возможность стреле с подвешенным грузом точно опуститься на другой судно, а пассажирам перепрыгнуть с борта на борт... Это и есть ежедневная работа борта... о которых рассказывал мне худ. Дожин.

Он рассказывал об острове Бернга и единственной на нем селе Ниньоль-Москис, которое лежит на параллели Москвы. Молодежь, уезжая отсюда учиться на материк, всегда возвращается на родной остров, потому что нет для них края дороже этого острова, где живут заводы и алгунгаскотини, искуснейшие мастера своего дела...

И еще о многом рассказывал мне художник, и много по-настоящему удивило меня, слушателя. Кстати, в рассказах его об этом крае не было слов привычных для этой страны: «этно», «этнография», «этнограф», «этнографический»... Это слово возникло в последние годы нашей жизни и работы, которое живют люди но было составить себе достаточное впечатление об этом крае нашей земли. И все же было у меня ощущение, будто что-то проходит мимо меня, будто рассказывает эту землю в киноль, у которого сбит фокус, и не различаешь очень важных подробностей, скрытых полупрозрачной димной...

Понял я это только некоторые время спустя, когда увидел картину Виталия Давыдова, написанную им в Москве по камчатским этюдам. Винонь обрел фокус.

Конечно, искусствовед мог бы подробно говорить о картинах Виталия Давыдова с профессиональной точкой зрения. Но, помимо своей основной мысли — эстетической информации, камчатские картины художника дают зрителю то, что может быть документальное кино — объективность nature, ее точность. Это — одно, но отнюдь не первостепенное значение его работы. Его интересуют вещи более тонкие и более важные: он стремится показать край и людей в трудно уловимых на первый взгляд проявлениях. Посмотрите на его пейзажи: на камне лежат отпечатки движения; намется, вот-вот ояд состояние прыжки сманить друг к другу, или работу, он пишет смену времен года и смену дня и ночи, людей, их взаимоотношения — такие необычные для тех, кто на бывал в этом краю (например, картина «На берегах Мунчигмена»).

Впрочем, не стоит подробно рассказывать о картинах, которые перед вами глазами. Судите сами. Вообще говоря, Виталий Давыдов — художник-путешественник. Он успел побывать в Беловом оеке и Гренландском море, на Северной Двине и Полярном Урале, на Печоре и Байнале. Результатом каждой поездки были картины, этюды, рисунки. Многие из них неслыханно хороши: на международных выставках, о них писал пресса. Но самым большим успехом художника Давыдова оставила Камчатка. Сейчас, когда вы рассматриваете эти репродукции, художник в третий раз отправился на Камчатку, и я все не уверен, что эти картины его последние — такие же в те края.

А. НИКОЛАЕВ

СОБРУЖЕСТВО
СЕРЬЮИТО
СЕРЬЮИТО

ВЫСШЕЕ БОЯРИН ВЪЗРАЖЕНИЕ?

«Похарь Микхал Селяновичов, пеле-гулар-Сайко, боатыри — Илья Мироме, Добрыня Никитич, Алеша Попович... Мы узяли и полюбил их еще в детстве. А пришла ось к нам власть с народными эпическими песнями.»

Во столово нам горode во Киеве, у ласкова государь князя Владимира...»

Былина... То, что было... Что это — художественный вымысел или исторический факт?

Трудно представить реально существовавшим богатырям, «выше лесу стоячею, головою под облаком ходячею», или Сайко, вернувшегося со дня морского. Но ведь есть в народных сказаниях люди, наделенные обычными человеческими качествами!

Одно из былинных имен исследователи долго время связывали с летописными источниками. В начале XII века Владимир Мономах за неосторожную похвалябу на пиру зоточил боярина Ставра в «погребы глубокие» с «дверями железными» и «замками булатными». Но одно ли и то же лицо Ставр в былине и в летописи? Может быть, тут случайное совпадение? Не да существовал ли Ставр вообще? Никто лучше самого Ставра не смог бы сказать об этом. Никто...

И боярин неожиданно заговорил.

Из глубокой древности дошли до нас старинные русские надписи, граффити: своеобразные живые голоса древних людей. До сих пор граффити были мало изучены. Сейчас эти современники Владимира Мономаха и Ярослава Мудрого расширяют тайны своей эпохи.

Интересная надпись найдена недавно в Киеве, в Софийском соборе. Впервые надписи Софийского собора — среди них и предполагаемый автограф Владимира Мономаха — обнаружил во время вой-

ны академик Б. А. Рыбаков. Впоследствии ученый проследовал сотрудничеству музея С. Высоцкого заняться ими. Высоцкий с энтузиазмом взялся за работу.

В некоторых местах на стенах из под позднее намолоченных слоев отчетливо проступали старинные надписи, несомненно, относящиеся к очень раннему периоду развития древней Руси. Об этом свидетельствовали особенности их написания, орфография.

Пядь за пядью стене с реставраторами Высоцкий рассчитал винную роспись. Обнаружились перекривая штукатура и на ней — отчетливые надписи: «Господи, помози рабу своему Савроу недостойному рабу твоему». И еще: «Писал Савро Гордатынич».

Неужели это Ставр, летописный воевода, упомянутый князем Владимиром Мономахом в его «Поучении»?

Вот что ответил на это вопрос первооткрыватель старинных русских граффити академик Б. А. Рыбаков.

«...Надписи, обнаруженные в Софийском соборе, очень хорошо объединяют летописного Ставра Гордатыча, сотского Ставра и былинного боярина, старого Ставра Годновича».

Воевода Ставр, с именем которого Высоцкий связывает найденный автограф, сопровождал своего Владимира на его первый княжеский стол в Смоленске. Спустя тридцать лет Владимир счел нужным сообщить читателям своей биографии, что Ставр Гордатыч вместе с великим князем Изяславом направился в Берестье, где поляки дожили крепость.

Дополняя выводы Высоцкого, можно предполагать, что это автограф Ставра, упоминаемого также в летописи 1118 года, где упоминается и его должностной сотский. И в летописи и в былине рассказывается один и тот же эпизод: князь Владимир вызывает из Новгорода в Киев некоего Ставра — боярина в былинке, сотского в летописи — и заключает его в погреб. Былина затем продолжает эту историю: молодой жено спасает Ставра из заточения, выграв его у князя в шахматы.

Надписи, обнаруженные в Софийском соборе, сделаны почерком XI—XII веков, но разной рукой. Одна из них сделана твердо, с особыми индивидуальными чертами, другая — совершенно иначе, более размытым почерком и как бы посвящен первую, рассказывая читателю о том, как именно Ставр скрывается за формулой «недостойного раба». Сделана она рукой киевлянина, о чем говорит особенность написания: «ча вместо «ца». Она удостоверяет, что расположенная рядом первая надпись является автографом этого Ставра, и в то же время говорит нам о том, что Ставр был чем-то примечатель для современников-киевлян. Отчество Ставра дано здесь иначе, чем в «Поучении Мономаха, где оно сильно искажено, но несомненно, что оно также происходит от имени «Гордатыч», так как ударения в древнерусских отчествах часто ставились после коренного слога, например, Опгдич. Здесь наиболее вероятная форма «Гордатынич», которая вполне объясняет былинную «Ставр Годнович» из действительной «Ставр Гордатынич». Все это позволяет с полным доверием отнестись к былинной характеристике Ставра Годновича. Он действительно боярин, действительно «старый» (к 1118 году ему должно было быть около 70 лет), названный князем Владимиром.

Надпись Ставра — пока единственный случай, когда удалось обнаружить вещественные следы русского эпического героя.

Анна МИРЛИС

ПРАЗДНИК ПРИЗВАКИ

ЮМОРСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

С самого утра в тот день настроение у меня было неважное. Я считала, что праздновать собственный именинник накануне Нового года страшно глупо: полно всяких домашних хлопот, а тут приходится встречаться с приятельницами. Но о вечеринке уже договорились, и мне не оставалось ничего другого, как принять участие. И вот мы собрались. У подруги, конечно, — пусть она хоть позовится с посудой после нас, а то целый день палец о палец не ударит...

Пришли одни женщины. Сначала скучали: завидовали все, и даже никому было перемывать косточки. И только лишь Магда пожелавшая, что вчера на улице — представьте себе! — с ней заговорил незнакомый мужчина. Развернулись бурные прерывы. Оказалось, что все мои приятельницы имеют в этой области огромный опыт. Бау, например, каждую среду вечером преследует молодой красавец и до утра стоит под ее окнами. Елена получает по почте таинственные приемы, а Илона вообще не может выйти на улицу, потому что все мужики моментально меняют свой первоначальный маршрут и следуют за ней по пятам. Вчера, захлебываясь, шепетала она, трамвай № 1 сошел с пути и тащился по улице вслед за ней. Вагоновый же не мог оторвать от нее своего взора и опомнился лишь, когда Илона спряталась в хозяйственном магазине.

С приближением полночи истории становились все удивительней. Все эти двенадцать лет Эма рассказывала, как однажды, вырвавшись с концерта по темному переулку, она заметила, что за ней следует грузовик с темными фарами. Она вышла себя в руки и продолжила рассказывать. Когда же машина остановилась около нее и шофер спросил, где Пращеницкая улица, она успела прочесть на борту грузовика надпись: «Мясо и колбасенки». Эма отоблещена от ужаса и долго еще не могла двинуться с места. Но машина уже свернула в сторону улицы дома она вспомнила, что Пращеницкой улицы вообще не существует, что улица была лишь предлогом...

«Этo же слышите! У кого сегодня праздник? У меня! А я за целый вечер не произвела ни словечка, потому что за мной никогда не тащился не только трамвай, но даже и велосипед, меня по вечерам никто никогда не останавливал и не преследовал.

Тогда я заявила, что в новогоднюю ночь можно еще поверить всем этим глупостям, но до этого времени еще целые сутки, и сейчас я притворяюсь не желаю. И вообще в первый этаж вышнута предельно влево, а влетая в комнату спальною. Однако и никаких многозначительных выводов не делю: каждому ясно, что он спускается по воротам. Шофер сразу увидел ошибку, дал задний ход и покинул спальню. Вот. Не все же любит прихвастнуть!

Илона обиделась. Мы расстроились, и я отправилась домой.

Фонари, как обычно, не горели. Ночь была лунная, и я еще издали увидела какого-то мужчину, стоящего у дерева. Не успела я что-либо будь решить, как вдруг мужчина неслышными шагами двинулся мне навстречу. Кровь застыла у меня в жилах.

Мужчина приблизился ко мне на расстояние вытянутой руки, и, прежде чем он успел произнести свой монолог, я ударила его по голове. Недостаточно сильно, потому что он не упал, но вполне чувствительно, потому что он пошатнулся.

Ну, теперь мне конец, — успела я подумать, но в этот момент случился неправдоподобный вещь: парень рванулся и, прихрамывая, пустился наутек.

Я поняла, что уж этот-то, конечно, не будет ни в чем, но у той под мойими окнами, ни десятилетия любовных писем. И еще я поняла, что если женщина так строго подходит к подобным событиям, то ей нечего будет рассказывать подружкам даже в 70 лет...

Меня это огорчило. А кроме того, мной овладел, любопытство. Я прибавила шаг и за углом

снова увидела своего ночного героя. Он прихлинул в себя от испуга. Увидев меня, этот человек сиял сиянием и опять направился ко мне.

«Ага, так вот ты как, голубчик! — подумала я. — Ну, погоди... И я припустилась бежать.

И помчалась через сидовую калитку, захлопнула ее за собой и вдруг снова отступила к носку и носу со своим ночным привраком. Он тизело дышал и подпирал калитку с другой стороны.

«Ну, этот... мелкаяшка у меня мысль», — не похож на авантюриста. Этот, безусловно, нитересует только мной. Ради меня он бежал, получил тумака и стерпел его, ради меня будет стоять здесь до самого утра. На улице 12 градусов мороза, это будет почище Ивоинного трамвая.

— Скажите, пожалуйста! — вдруг воскликнул он.

«Ну, нет, так дело не пойдет! — Я резко захлопнула калитку. — Я порядочная женщина!» И, гордо повернувшись, направилась к двери.

Калитка скрипнула, и мужчина снова отступил рядом. Пусть вас не удивляет, что я вышла из себя. Что произошло дальше, описывать не стану. Но надо отдать ему справедливость: ни одной оплелухи он мне не вернул.

С криком «дуря» он ретировался, оставив в моих руках воротник своего пальто.

«Ха, дуря! Конечно, дуря! Илона была бы уверена уверил! — удивилась я меня в голове мысли, когда вдруг черра ограду в меня полетел какой-то тяжелый предмет. Мужская оскорбленная гордость на все способа!

Я выхрем вметнула на своей стаж...

Эту историю я рассказывала своим подружкам, когда они на следующий вечер собрались у меня за праздничным столом. История была самая новгородная, и мой триумф невозможно описать.

Но вам я открыла маленький секрет.

Рано утром наша дворничиха принесла мне пакет: вышла его у двери. На нем был мой адрес, а внутри писемко от сверкнул на Бискупин, в котором она сообщила, что ее сосед любовно согласился передать мне маленькую посылочку с подарком...

Перевела со словного Вера ПЕТРОВА

П Е Р В О Е
З Н А К О М Т В О
С П О Э Т О М

Виктор ЯКОВЧЕНКО

Виктор Яковченко — студент третьего курса Литературного института имени А. М. Горького. Студентом он стал не сразу после окончания школы службы в армии, затем, профессия заботликая в шахтах Донбасса привела его в страну поэзии.

Тайга

Вставал рассвет. Грачи кричали. И на меня, как на врага, Своими темными зрачками Гладела пристально тайга. Ну что, мой, громкие рубки Тебя на север привели! Да нет, нё то. Я сят рублями. Меня пронюхавшая мошь Вела далеким путем. Чтобы тебе, тайга, помочь. Чтоб ты, отбросив шыку малиц, Под эту грустную высоту По-невиски ласково съехала, Дремля дачу-мечту красотою, Чтобы твое густое полено Месяц, не путала пурга... Ну, что же ты глядишь так кося! Давай обнимемся, тайга.

Нет, нам себя не уберечь. В борьбе, а дороге длинной лещ. Не омыющиеся чуда, Мы отвергаем все, что нужно. В чем нет ни мысли, ни души. Что ведь холодом чурбину... «Россыя», — шепчет мальчик. «Россыя», — шепчет инокник в лобнине. И я им тихо вторю: — Русь, Мне не трудны твои нагузины! Я в поле рос, я чубом рос, И я люблю тебя по-русски.

По снегу

Ах, эти розальник! Развее Я не испытывал ады. Рванувшись, логот вихрь развеял Твои космские ветры. И мы, заведшие с ногами В седой туман, орем! — О Русь! Ты так бела, чиста снегами, Что в минах лугается плуток. Как горело любить и верить В сияние жизни, в свет ее И знать, что этот снег, и ветер, И бег, и Русь — твою... твою...

г. Дю, Псковская область.

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ ДУХОВНОЙ ГИМНАСТИКИ

Можно ли развить быстроту и гибкость ума?

Можно ли научиться изобретать? Подобного рода вопросы в той или иной форме часто задают наши читатели.

Действительно, можно ли воспитать в себе качества, необходимые для того, чтобы делать открытия?

Можно. Регулярной тренировкой. По утрам вы делаете зарядку, закаливаете свой организм, заряжаете силой мышцы тела. Но постоянные упражнения нужны и для развития интеллектуальной мощи. Любое научное или техническое открытие покоится на крепком фундаменте знаний. Но одних знаний мало. Нужно еще уметь владеть логическим аппаратом научного творчества, развить в себе способность изобретать, по-новому подходить к решению поставленной задачи.

По существу, ответ содержится уже в самих условиях задачи — нужно только уметь их прочесть. Очень часто мы ошибаемся, незолую сужая пределы поисков ответа. Вот характерный пример.

На сколько частей можно разделить круг с четырьмя прямыми линиями? Многие из вас ответят: «На восемь». — Проведите четыре прямые через центр круга.

Между тем в условиях ничего не сказано о том, что линии должны обязательно проходить через центр. Как только мы откажемся от этого самоограничения, ответ найден нетрудно:

Хорошей тренировкой для развития интеллектуальной мощи являются разного рода головоломки и логические задачи. Их можно назвать миниатюрными научными работами. Во всяком случае, процесс их решения во многом сходен с процессом научного мышления. Проверьте сами. На первом занятии наших заочных курсов мы предлагаем вам комплекс из шести упражнений для тренировки гибкости ума.

Помните! Прежде чем приступить к решению, внимательно изучите условия задачи, не прибавляйте своих собственных условий.

1. Выньте из коробки шесть спичек и положите их на стол таким образом, чтобы каждая из них плотно касалась всех остальных.

2. Возьмите шестнадцать спичек и расположите их следующим образом. Теперь, переместив только две спички, сделайте из пяти квадратов четыре.

3. Расположите спички следующим образом:

Теперь, переложив только одну спичку, образуйте два ряда по четыре спички в каждом.

4. Решите следующую логическую задачу:

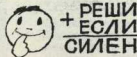
Некий английский студент, сняв комнату на неделю, предложил хозяйке в уплату цепочку из семи драгоценных колец, по кольцу за день, с тем, однако, условием, что он будет рассчитываться с ней ежедневно. Хозяйка согласилась, оговорив, со своей стороны, что он может расплатиться только одним кольцом. Как студенту удалось расплатиться с хозяйкой?

5. Как разрезать круглый аблячный пирог на восемь кусков, сделав всего три разреза?

6. Определите цифровое значение каждой буквы в следующей примере:

В предновогодний вечер «Смена» внимательно приглашает вас принять несколько задач. Вот ответы.

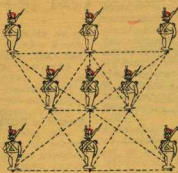
Задача с девятью домиками решается так, как показано на рисунке.

Если число участников приема было x , то число спичек было $(x-1) \cdot 2$. Следовательно, в Снеде было 12 человек.

Средний часовой обменятся местами 143 раза за каждые 12 часов, то есть через 5 2/143 минуты. Отсюда: самый ранний обмен, когда наш корреспондент мог выехать из редакции, — 4 часа, 57 минут 50/143 секунды. Промежуточные девять моментов распадаются между ними с интервалом в 5 2/143 минуты. Итак, задачи имеют единнадцать решений.

Построить девять солдатиков в десять рядов — дело не легкое, ведь сделать это именно так.

С границей между заштрихованной и незаштрихованной частями круга дело обстоит совсем просто, ибо эта граница состоит из двух полуокружностей, построенных на полудиаметре, что идентично окружности, построенной на полудиаметре. Но если диаметр окружности d , то длина искомого вадое меньше диаметра окружности, то длина искомого вадое. Итак: $10 : \pi \approx 3,14$.

Наконец, последний вопрос — о скорости автомобилей. Если первый километр машина проехала за время t_1 , то второй километр — за t_2 . Отсюда получаем: $t_1 = 1,4$; $t_2 = 1,6$ и т. д. Эта сумма никогда не может превзойти двух. Значит, в данном режиме автомобиля не может двигаться быстрее двух минут.

Следующая задача — задачка-шутка. Число, которое делится без остатка на все числа, — это произведение всех чисел.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Подписка на журнал «Смена» принимается общественными распространителями печати по месту работы, отделами и агентствами «Союзпечати», а также отделениями связи, с любого месяца без ограничения.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

ПИСЬМЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бульварный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Для справок: Д 3-30-87; отделе литературы и искусства — В 8-61-63; отделе охраны и публикации — Д 3-31-03; международной связи — Д 3-31-50; литературы и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самокин.

Редакторы: К. К. Андреев, Е. А. Долгатовский, К. Н. Замощина, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], Р. Ф. Назарова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Куликов, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безухова

Технический редактор Н. Вудкина.

А 09545. Подписано и печатано 24/ХП 1964 г. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 2384. Запас № 3371. Формат бумаги 70 × 108^{1/2}.

2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Орлеана Ленина типография газет «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Составил Б. ЛИХНИЦИЯ
г. Москва.

В ПО - СЕЛ - КЕ, ГДЕ К СОСНАМ ПРИ - БЫ - ТЫ СКО - РЕШ - ИМ
ЕСТЬ КА - МЕННЫЙ ДОМ НЕБО - ШОМ. ЖИ - ВЕТ В НЕМ СО - ВЕМ ВЕГРИ - МЕТ - Я
ВНЕ - ШНЕ ДЕВ - ЧОН - КА С ХО - РО - ШЕЙ ДУ - ШОЙ. ДЕВ - ЧОН - КА, ДЕВ -
ЧОН - КА. ПРОС - ТА - Я ДЕВ - ЧОН - КА. ЖИ - ВЕТ В НЕМ СО -
ВЕМ НЕ - ПРИ - МЕТ - НАЯ ВНЕШ - НЕ ДЕВ - ЧОН - КА С ХОРО - ШЕЙ ДУ - ШОЙ 2. ДАВ -
РО - ШЕЙ ДУ - ШОЙ.

Пусть будет любимой девчонка

Слова Игоря ШАФЕРАНА

Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

В поселке, где к соснам прибиты скворцы,
Есть каменистый дом небольшой.
Живет в нем совсем неприметная внешне
Девчонка с хорошей душой.

Девчонка, девчонка,
Простая девчонка.
Живет в нем совсем неприметная внешне
Девчонка с хорошей душой.

Давно бы ей встретилось счастье, наверно,
Но сразу душа не видна.
И с лучшей подружкою за кавалера
Кружатся на танцах она.

Девчонка, девчонка,
Простая девчонка.
И с лучшей подружкою за кавалера
Кружатся на танцах она.

Но в полночь обычно кончатся вальсы,
А к дому поближе идти.
Ах, если бы кто-нибудь вдруг догадался
Сказать ей, что им по пути!

Девчонка, девчонка,
Простая девчонка.
Ах, если бы кто-нибудь вдруг догадался
Сказать ей, что им по пути!

Так что ж вы, ребята, все мимо да мимо
Проходите дом небольшой!
Уж если влюбляться — пусть будет любимой
Девчонка с хорошей душой.

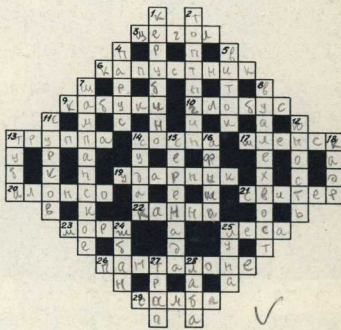
Девчонка, девчонка,
Простая девчонка.
Уж если влюбляться — пусть будет любимой
Девчонка с хорошей душой.

По горизонтали:

3. Певчая птица.
6. Шутливый самодельный концерт.
9. Липовый народный театр.
10. Популярная молодежная песня.
13. Театральный коллектив театра.
14. Хвойное дерево.
17. Польский ансамбль песни и пляски.
19. Музыкант эстрадного оркестра.
20. Иудейская балерина, выступавшая в Советском Союзе.
21. Визанная фуфайка.
22. Цветок.
23. Морское животное.
25. Рыболовная снасть.
26. Персонаж итальянской комедии.
29. Латиноамериканский народный танец.

По вертикали:

1. Персонаж оперы В. Моцарта «Садьяба Фигаро».
2. Народное шотландское название медведя.
4. Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
5. Оборот слепица вокруг земли.
7. Виноградное вино.
8. Акварельная краска.
11. Автор мелодии «Лейся, песня, на простор».
12. Возрастной период.
13. Самый низкий по регистру духовой инструмент.
14. Курорт в Крыму.
15. Вокальное произведение.
16. Объявление.
18. Символ на киноленте.
24. Кушан с крышей.
25. Небесное тело.
27. Лестница на корабле.
28. Приток Кубани.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

4. Высотомер.
8. Окапи.
9. Стрепет.
10. Веренич.
11. Фауна.
12. Радинал.
13. Строн.
17. «Кооперация».
19. Живопись.
21. Зеравал.
22. Гондурас.
25. Этнография.
27. Паленгатор.
30. «Назид».
31. Ляхтсен.
32. Лайба.
35. Лысеино.
36. Рашма.
37. Таря.
38. Иноиснол.

По вертикали:

1. Ассоциация.
2. Ютландия.
3. Амфибрахий.
4. Висла.
5. Ребро.
6. Вераме.
7. Кринго.
11. Флорестан.
14. Протасова.
15. Варабан.
16. Полюева.
18. Плато.
20. Омута.
23. Сидоророп.
24. Сербанора.
26. Гилсер.
28. Граница.
29. Зстергом.
33. Инари.
34. Остап.

Первая страница обложки:

Кузнец Уральянка
комсомолец Виталий БАЙНОН.

Фотошери о заводе
смотри на стр. 1, 4, 5.

Фото В. МИШИНА

Фото А. БОЧНИНА
и В. ВДОВИНА

С легкой руки древних греков грации — богини красоты и изящества — стали символом самого прекрасного в искусстве и спорте. Выпущенная недавно киностудией «Мосинвучфильм» короткометражка «Три грации» остроумно и интересно доказала, что одна из этих Богинь, живя она в наши дни, обязательно занималась бы фигурным катанием на коньках — видом спорта, состоящим в близком родстве с искусством. Следа за грациозной, полной непередаваемой пластичности композицией фигуристики, за строгими, мужественными движениями ее партнера, трудно отделаться от мысли, что ты не на балетном спектакле. Но вот стихает музыка, на табло всплывают оценки судей, и становится ясно, что это спорт. Год назад наша замечательная па-

ра Людмила Белоусова и Олег Протопопов, продемонстрировав удивительный сплав всех качеств фигурного катания, впервые завоевала титул олимпийских чемпионов. Советская школа фигурного катания, одна из самых молодых в мире, получила всеобщее признание. Лучшее тому доказательство — первенство Европы, открывающееся в начале февраля в Москве.

Честь нашей страны в этом трудном соревновании с сильнейшими фигуристами Австрии, ФРГ, Чехословакии, Голландии будет защищать талантливая молодежь — студенты и школьники.

Фигурное катание — спорт юных. Недаром ведь многие из известных ныне мастеров исчисляли свой стаж с дошкольного возраста. Грации наших дней рождаются на зеркальной глади катков.